

18+

ДИНАРА СМИДТ

СЕРЛИССИЯ

Благословенные

Динара Смиidt

Серлиссия. Благословенные

«Издательские решения»

Смидт Д.

Серлиссия. Благословенные / Д. Смидт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678604-2

Когда-то власть в Триаде принадлежала четырём Благословенным расам, однако те времена остались далеко позади. Орана и Киндиры находятся на грани вымирания, а Мева — презираемы и гонимы. Лишь Кори сохранили могущество. Реа — Мева-полукровка. Травимая людьми, принижаемая сородичами, она даже не надеется на то, что в её жизни может случиться что-то хорошее. Всё меняется, когда Кори по имени Къевит предлагает ей шанс на новую жизнь. А в обмен — показать ему дорогу к священному городу Мева, Экрузиму.

ISBN 978-5-00-678604-2

© Смидт Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Реа	6
Къевит	11
Реа	13
Итта	17
Реа	19
Къевит	27
Реа	29
Къевит	33
Итта	37
Реа	39
Итта	44
Реа	46
Часть 2	49
Реа	49
Итта	53
Реа	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Серлиссия Благословенные

Динара Смиidt

© Динара Смиidt, 2025

ISBN 978-5-0067-8604-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Реа

«Есть ли на свете что-то хуже летних ярмарок? – думала Реа, изнемогая от жары на облучке арбы. – Разве что любовь тилорцев к шерстяной одежде. Неужто нельзя шить эти штуки из хлопка? Всё было бы терпимее».

Под «этими штуками» Реа подразумевала варки – шерстяные одеяния тилорских женщин, напоминающие длинный камзол и надеваемые поверх шерстяного же платья. Обычно, варки пышно украшались вышивкой, золотой нитью и бисером, однако та, в которую была одета Реа, отличалась простотой: скромный цветочный узор по подолу да медная пряжка, вот и всё убранство. Оно и к лучшему – ни к чему привлекать ненужное внимание.

Дорога пошла вверх, взбираясь на крутой холм, и Реа, ехавшая на ежегодную ванорскую ярмарку уже в пятый раз и хорошо знавшая эти места, заранее приготовилась, оживилась, забыв на некоторое время и неудобную одежду, и жару, и усталость.

Было что-то волшебное в том, как открывалась взору долина Ваноры. Ты едешь целых два дня и две ночи по степи, где нет ни клочка зелени, а пыль на дорогах взметывается так высоко, что скрывает округу от глаз. А потом, переваливаешь через холм, и словно бы чья-то рука отдернула жёлтую занавеску – так внезапно перед тобой предстаёт широкая долина, обрамлённая цепью из пологих гор, купающихся в прохладном тумане.

Над изумрудными вершинами парили прозрачные шары. С виду они напоминали огромные мыльные пузыри, и были настолько же недолговечными. Сны богов – так их называли. Говорили, что внутри каждого шара прячется крошечный мирок – неповторимый и прекрасный. Однако добраться до них мог лишь тот, кто обладал крыльями. Реа в их число не входила. И всё-таки специально натянула поводья, остановив арбу на макушке холма – исключительно ради этого зрелища.

Что там, внутри? Что за сны видят Спящие боги?

Ветерок коснулся лица Реа, и она закрыла глаза, впитывая разгорячённой кожей утреннюю прохладу. Умыться бы сейчас, эх... С тоской девушка глянула на реку внизу. Как бы она хотела спуститься к берегу и смыть усталость долгого пути... вот только нельзя. Нельзя снимать с головы шарф. Нельзя расстегнуть высокий воротник платья. Слишком рискованно – любая даже самая мелкая оплошность сведёт на нет её хрупкую маскировку.

На западе собрались густые облака, но Реа, как и все представители благословенных рас наделённая способностью заранее чутить изменение погоды, знала, что раньше, чем к вечеру дождя ждать не стоит. Предстоящий день будет, скорее всего, невыносимо жарким и бесконечно долгим.

Она помедлила ещё немного, собираясь с духом, затем тронула поводья, направляя лошадь к просторному тракту, что шёл по дну долины, вдоль реки, к городу на берегу. Вот уже более пяти лет, с тех пор как ей стукнуло четырнадцать, Реа привозила сюда товары: раскрашенные фигурки, глиняную и деревянную утварь.

Как река собирает на пути к морю мелкие ручейки, так и ванорский тракт собирал на пути к столице проселочные дороги и пешие тропы. Люди двигались по нему непрерывным потоком: одни сидели на нагруженных телегах, другие вели за собой мулов, третьи тащили поклажу в громоздких плетёных коробах за спиной. Чем ближе к Ваноре, тем шумней и людней становилось вокруг. Крутые стены долины умножали голоса, скрипы возов, и лай, и грохот, и крики. Поток транспорта подхватил арбу Реа и увлёк за собой, и вмиг она оказалась в самой гуще,

зажатая между телегой крестьянина с пищащими цыплятами и повозкой лудильщика с горой оловянных мисок, звеневших на каждой кочке.

Девушка опустила голову, придерживая одной рукой шарф, прикрывавший волосы. Поправила подол длинного платья. Сколько бы она ни сетовала про себя на тёплую варку, она была благодарна тилорцам за их моду. Одежда Мева – народа, к которому принадлежала Реа – не отличалась подобной многослойностью. Их женщины носили узкие штаны и туго подпоясанные туники с рукавами, едва доставшими локтя. Удобная одежда и практичная, но очень уж... разоблачающая.

Как всегда, в воротах на въезде в город образовался затор. Очередь двигалась медленно. Дети носились в тесноте, как бестелесные духи. Блеяли козы. Кричала домашняя птица. Реа с беспокойством поглядывала на свою лошадь – той ещё не доводилось бывать в крупных городах. Как бы толчея и шум её не испугали. Пока всё шло нормально. Амиха прядала ушами, нервно вертела головой, но потихоньку шагала вперёд.

Наконец, ворота остались позади, и Реа вздохнула чуть свободнее.

– Почти на месте, – сказала она Амихе, – ты молодчинка.

Из трёх столиц Триады, Ванора не была ни самой красивой, ни самой большой. Однако в её витиеватых улочках таилось очарование древнего города – много повидавшего, как хорошего, так и плохого, и множество раз менявшего лицо, позволяя векам оставлять на нём свои отпечатки. Пусть теперь об этом редко вспоминалось, но когда-то Ванора принадлежала Мева. Она выглядела иначе тогда: дома были пониже, улицы почище, народу поменьше... так, во всяком случае, говорили старики, хотя их едва ли можно было назвать надёжными свидетелями, ведь даже те, кому теперь перевалило за сотню, в те времена были детьми.

С той же безжалостностью, с какой люди изгнали народ Реа с их родных мест, они вытравили их следы. Старые дома были снесены, а те, что уцелели, обзавелись новыми этажами. Резные деревянные карнизы и ставни были выломаны. Яркая настенная роспись забелена. И, тем не менее, что-то от Мева ещё угадывалось: где-то настойчивые дожди размыли краску, и проступил закрашенный рисунок – бледные призраки из прошлого, едва узнаваемые очертания.

Пристроив арбу на краю площади, Реа установила прилавок и разложила товары. Справа от неё расставлял глиняные горшки старик-гончар. Слева стояла женщина с корзинками полными душистого мыла. Народу прибавлялось: покупатели, торговцы, брадобреи, зубодёры, нищие и жонглеры, бродячие гадалщики и ведуньи. Трактирщики выкатили из погребов бочки с пивом и бойко разливали его по высоким деревянным кружкам. Сладко пахла карамель и горячая выпечка.

Реа с особенным интересом рассматривала человеческую одежду. Что сейчас в моде? Что бы она надела, если бы могла выбирать? Похоже, в этом сезоне предпочтение отдавалось узору «птичьи лапки». Предыдущий тренд – пышные перья – благополучно остался в прошлом. Так или иначе, мода в Тriaде всегда вращалась вокруг Кори. Не столько подражание, сколько дань. Молчаливое признание превосходства.

Торговля у Реа шла не бойко. Шесть медяков за птичку. Серебряшка за набор деревянных ложек. Праздные богачи и не догадывались, что покупают вещи, сделанные ремесленниками Мева.

Солнце ползло по небосводу. Реа скучала. В первый год, когда она только-только начала торговать, она места себе не находила от страха. Везде ей мерещились подозрительные взгляды. Вот-вот, казалось, кто-нибудь окрихнет её, догадавшись о том, кто она. Однако со временем ярмарки сделались привычными. И к тому же она поняла, что страх лишь привлекает внимание. Если ты дрожишь, как кролик, рано ли, поздно ли, кто-то да попытается докопаться до причины. А в её, Реа, случае, долго копать не придётся.

– Ты сама делаешь их? – спросил голос у неё над ухом. Она подняла голову и встретила взгляд молодого человека в плаще из тонкого белого бархата с золотой застёжкой.

«Ну, вот опять», – подумала она с досадой.

В каждом городе, на каждой ярмарке обязательно попадётся такой вот хлыщ – ничего не покупает, только строит глазки да болтает, болтает, болтает... Младший сын какого-нибудь купца или мелкого вельможи. За годы Реа научилась с первого взгляда узнавать «хлыщей».

– Да, господин, – соврала она, не моргнув глазом.

– У тебя золотые руки. Такая красавица – да ещё и такая мастерица!

По правде, Реа едва ли можно было назвать красавицей. Внешность её скорее была необычной. Кожа даже после многих часов на солнце оставалась светлой, и девушка без конца подкрашивала лицо, пытаясь придать ему хоть немного цвета. Скулы у неё были высокими и острыми. В регионе, где среди коренных жителей преобладали мягкие и округлые черты лица, это тоже сразу её выделяло. Но примечательнее всего в Реа были глаза – широко посаженные, миндалевидные, и не просто огромные, а едва ли не слишком большие для человека. Именно они подводили её лицо вплотную к той грани, за которой обнаружилась бы её истинная природа.

– Благодарю, господин, – сказала Реа смирно. – Вы очень добры.

Думала она при этом иначе: «Будешь ты, бесполезный ферт, что-нибудь брать или нет?»

– Что вы за народ, тилорцы! – махнул рукой молодой человек. – Такие сдержанные! Как твоё имя?

На это у неё был заготовлен ответ.

– Амантия, господин.

– Кажется, всех тилорок зовут Амантиями.

– Это распространённое имя, господин.

– Я встречал много Амантий, но такой красавицы среди них не было. Твои глаза – как волны Сияющего Залива, ты знаешь? А губы – как кораллы. Как лепестки хризантем.

Серьёзно? Нет, этот тип точно ничего не купит.

– Твоя кожа – как хрустальные пики Коррака, – продолжал он. А вот это уже любопытно.

– Правда? – спросила Реа.

Хлыщ оживился, поощрённый.

– Ещё бы! Когда... ээ, когда смотришь на них с высоты на закате, в свете первых звёзд...

Рео украдкой оглядела его. Он намекал, что он – один из них. Из птиц. Внешне он вполне подходил: высокий, стройный, красивый. И одет был на коринский манер. Крыльев у него, правда, не было, но так ведь это ничего не значит – Кори обладали магией и умели прятать крылья от посторонних глаз так, что и не догадаешься, что они у них есть. Конечно, скорее всего, мальчишка просто пытался произвести впечатление, и всё же, если это правда...

Рео видела Кори лишь раз. Это было около двух лет назад, на одной из ярмарок. Он летел высоко над городом. Его крылья переливались и вспыхивали, когда перья ловили свет солнца. Такое зрелище едва ли можно позабыть. Она подумала тогда, что нигде во вселенной не сыщешь такой замечательной свободы, такой идеальной красоты.

– И какой же он? – спросила Реа. – Коррак?

Главная столица Триады и самый красивый её город, Коррак был домом Кори – благословенной расы людей-птиц.

– О, невероятный! Он висит в воздухе, среди облаков. И его стены, они как жемчужины в перламутровой раковине. Как... как морская пена.

Мысленно Реа покачала головой. Нет, никакой он не Кори. И Коррака, поди, не видал. Жемчужина! Морская пена! Сплошные общие фразы, поэтические и пустые.

Хлыщ ещё немного потрепал языком, но заметив, что слушательница утратила интерес, решил ретироваться.

– Вот что, – сказал он на прощание, подбирая с прилавка раскрашенную статуэтку, – я возьму вот это, если в придачу ты подаришь мне улыбку, красавица.

Реа стиснула зубы и сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, а потом... потом, как благоразумная тилорка (и в равной мере, благоразумная Мева) улыбнулась самой милой улыбкой из тех, что была в её арсенале. Она умела быть очаровательной.

Хлыщ ухмыльнулся, достал из кармана серебряную монету и бросил ей. Реа ловко поймала. Он зашагал прочь.

Реа вздохнула. Затем украдкой залезла рукой под варку и спрятала серебряшку в мешочек, привязанный к поясу.

Умница, Реа. Ещё одна монетка. Ты молодец.

Когда колокол на башне прозвенел три, Реа попросила соседку присмотреть пару минут за товаром и побежала через площадь к лавке пекарши. Дожидаясь своей очереди, она рассматривала вкусности, выставленные в витрине. Вот, тарелка полная полупрозрачных карамельных шариков самых разных цветов. Вот, вафли с белой пеной взбитых сливок и кусочками фруктов. Вот, свежий пирог с рыбой, присыпанный сверху смесью пряностей... Её взгляд упал на деревянную доску с ценами. Три медяка за пирог! Реа облизнула губы, уныло пересчитала свои монеты. Три медяка и полушка. Как раз хватило бы. Да вот только Ари ждёт гостинца. Это их традиция, и Реа не собиралась её нарушать. Поэтому она купила булочку без начинки за два медяка, а на остальное – горсть карамелек, завёрнутых в бумажный кулёк.

Сунув сладости в мешок, туда же, куда прятала деньги, и, сжимая в руке скромный обед, она поспешила назад к своему прилавку. Запах, стоявший у пекарни, раздражил её аппетит, напомнив, что утром она не завтракала, а ужин был слишком давно.

Тут кто-то налетел на неё в толчее. Она глянула вниз и встретила взгляд голодных серых глаз на чумазом лице.

– Ох, – сказала Реа.

Глаза моргнули, продолжая нахально изучать её. Они принадлежали девочке, грязной и босой. Годов ей было, наверное, около тринадцати, но худоба и рост заставляли казаться младше.

– Чего тебе? – потребовала Реа у жалкого создания, крепче стискивая свою еду. Голодные дети – не её забота. Она сама не богачка, с чего бы ей кормить оборванцев?

Но глаза девочки поймали её в ловушку. Она не могла просто так отвернуться.

– Держи, – Реа разломилла булку на две части и сунула одну девочке. – Всё, больше не дам! Девочка схватила кусок и только её и видели. Реа хмыкнула.

– Не благодари, – пробормотала она, отправляя в рот остатки хлеба, покуда ещё кто-нибудь не покусился на её обед.

Спустился вечер. Масляный запах горящих фонарей заполонил улицы. Площадь начала потихоньку пустеть. Реа собрала нераспроданный товар и загрузила назад в телегу, похлопала Амиху.

– Ну, всё. Пора и честь знать.

Обратный путь представлялся бесконечным – пыль, жара, назойливые люди. Единственная мысль успокаивала Реа – что стоит ей вернуться домой, в резервацию, она на следующий же день затоскует по дороге.

Пока Реа укладывала товар, начал накрапывать дождь, а к тому времени, когда они с Амихой достигли ворот, разразился настоящий ливень. Он вымочил весёлые флаги, натянутые над улицами, и смыл праздничную атмосферу, принесённую ярмаркой. Реа плелась в хвосте вереницы телег и повозок, двигавшейся к воротам. Дождь превратил мостовую в бурную речку, и казалось, что они не ехали, а плыли.

Вдруг телега, что шла впереди, резко подпрыгнула, взметнув в воздух фейерверк дождевых брызг. Должно быть, возница не приметил под водой камня и наехал на него. Нервная

Амиха вскинулась на дыбы и шарахнулась в сторону, и лёгкая арба Реа дёрнулась вслед за ней и врезалась напрямик в другую телегу, что как раз объезжала сбоку. Раздался грохот столкновения. Полетели на землю мешки и корзины, шум дождя почти проглотил звон бьющейся посуды. Водяной поток раскрасился высыпавшимися листьями чая и звёздочками аниса.

Рео не успела опомниться, как рука разъярённого торговца сгребла её с облучка и нещадно встряхнула.

– Что ты, мерзавка, устроила? – заревел владелец телеги ей в лицо. – Кто будет платить за это?

Вокруг них вмиг собралась толпа. Столкнувшиеся телеги перегородили улицу для остального транспорта. Негодование полилось на голову перепуганной Реа вместе с нещадным дождём.

– Я заплачу за урон! – пролепетала она, не зная, сможет ли и впрямь заплатить. Уж больно дорог был нынче чай.

– Да если продать всё твоё барахло вместе с тобой и ключей – и то не хватит! – вопил торговец.

Он снова встряхнул Реа, и шарф слетел с её головы. Она отчаянно попыталась подхватить его, да не успела, и с беспомощным ужасом наблюдала, как он падает в воду, оставляя её голову неприкрытой. Торговец не сразу понял, что произошло, а когда понял, то от удивления разжал руку, выпуская девушку. Обступившая их толпа ахнула.

– Кошка! – раздался голос, приглушённый шипящим дождём. – Проклятая кошка!

Рео вскинула руки, инстинктивно пытаясь прикрыть торчащие кошачьи уши, однако тут же опомнилась, и, оставив арбу с лошастью, бросилась бежать. Кто-то схватил её за шиворот, но она, щелкнув пряжкой, выскользнула из свободной варки, оттолкнулась сильными лапами и ловко запрыгнула на крышу подвернувшейся повозки. Оттуда, не обращая внимания на крики, она метнулась в гущу толпы у ворот и была такова.

*

Сероглазая оборванка сидела на узком карнизе постоянного двора на противоположной стороне улицы и наблюдала за развернувшейся сценой. Когда Реа исчезла, затерявшись среди людей и повозок, девочка поднялась на ноги. За её спиной раскрылись крылья – полупрозрачные перья почти терялись на фоне яростных потоков дождя. Никем не замеченная в суматохе, она взмыла над крышами, позволив надвигающейся ночи проглотить её лёгкий силуэт.

Къевит

– Почему Мева ненавидят, когда их обзывают кошками, а мы, напротив, всячески выпячиваем своё сходство с птицами? – задумчиво проговорил Киззи, разглядывая пёстрый плафон, изображавший беспечную горличью стаю на фоне лазурного неба.

По мнению Къевита, уж кому-кому, а Киззи нечего было выпячивать: его крылья жалко висели за спиной, атрофированные и бесполезные. Неспособные поднять в воздух даже курицу. Ему бы впору их спрятать, так нет же – Киззи гордился своими крыльями. У множества Кори, вопреки всеобщему мнению, не было и этого.

– Потому что нас не преследовали и не истребляли на протяжении целого века, я полагаю, – ответил Къевит, садясь за письменный стол. – Что у тебя?

Поверенец потёр руки. Он всегда делал так, если у него было, что рассказать. Ну, хоть бы добрые вести, а то уж больно редкая это нынче добыча.

– Есть новости, Къев. Одна хорошая, другая плохая, и ещё одна хорошая, и ещё одна плохая. И ещё одна – смотря, как на неё посмотреть.

– Начинай, – сказал Къевит устало, – с чего-нибудь.

– Ладно. В общем так. Мы расшифровали рукопись и теперь знаем, где он спрятан.

– Я это уже слышал. Много раз.

– На сей раз всё точно.

– И это я тоже уже слышал.

– Тот парень из библиотеки подключил какого-то своего знакомого, толкового знатока древних текстов. Да, да – где же он раньше был? Я так ему и сказал. Неужели нельзя было с самого начала...

– Киззи. К делу.

– Точно. В общем, мы уверены, на сей раз. И это – хорошая новость. Теперь плохая. След указывает на Экрузим.

Къевит ответил непроницаемым взглядом.

– Да, да, знаю! – Киззи поднял руки. – Никому не известно, как туда попасть...

– И существует ли он поныне.

– А что ему будет, Къев? Все древние города Благословенных стоят по сей день.

– Только не те, что на территории Нируни.

– Если бы Нирунийцы его нашли, мы бы об этом уже прознали. Да, они и не искали. К чему им груда камней? Лично я, Къев, ставлю на то, что Экрузим цел и невредим.

– Пусть так. Как же нам его искать? Насколько я помню, он должен быть где-то в скалах Поухт Рейе. Проклятый лабиринт. Никто, кроме Мевских Хранителей не знает, как его миновать.

– И в этом одна из плохих новостей. Хранителей среди них давно не осталось. Мева уже не те, что были. Даже собственных хвостов не найдут.

– У Мева нет хвостов. Они не кошки.

– Не важно. Кем бы они ни были, Экрузим и прочие великие святыни им нынче без надобности. Слишком уж они заняты тем, чтобы не подохнуть с голоду в своих резервациях. Тут уж не до древних городов да тайных троп. Я навёл справки. Последний известный Хранитель – женщина по имени Айла. Но её уже больше десяти лет как нет в живых.

– Ну, просто замечательно, – пробормотал Къевит, выдвигая ящик стола и доставая оттуда курительную трубку. – Это всё? Стало быть, у тебя по-прежнему ничего нет.

– Кто тебе сказал? Кое-что есть.

– Так выкладывай.

Киззи облизнул губы.

– У Айлы осталась дочь. Мать, говорят, брала её иногда с собой. Девчонка, наверняка, знает дорогу. У кошек отличная память.

– Девчонка? Сколько ей лет?

– Девятнадцать? Двадцать? Около того. Не ребёнок. Живёт в резервации Мева на юге. Ей несладко пришлось после того, как матери не стало. Едва ли она откажется нам помочь за небольшое вознаграждение.

– Хм.

Къевит обернулся к карте, висевшей у него за спиной. Горы Поухт Рейе, там, где по слухам находился древний город Экрузим, лежали на западе от Триады. В сердце враждебного королевства Нируни.

– Будет непросто провести кошку по нирунийской территории, – заметил он. – Там их не любят побольше, чем нас.

Его разум, тем не менее, уже подбирал возможные решения такой задачи.

– И это подводит меня к ещё одной хорошей новости, Къев. Девчонка – полукровка.

Къевит посмотрел на него, отвлекаясь от карты.

– Вот как? И сойдёт за человека?

– Итга следила за ней пару дней. По её мнению, что коли не знать, что она – Мева, ни за что не догадаешься.

– Что ещё о ней известно?

– Зовут Ареар. Она притворяется тилоркой и торгует под прикрытием на ярмарках уже несколько лет. Шустрая. Находчивая. Может за себя постоять.

Къевит медленно кивнул. Это, пожалуй, была добрая весть – та самая, которую он так долго ждал.

– Где Итга? – спросил он.

– Там же, где всегда.

– А Скьют?

Киззи скривился:

– Там же, где всегда.

– Обоих ко мне.

Поверенцу не потребовалось повторять дважды. Когда он скрылся за дверью, Къевит подошёл к полупрозрачной стене своего кабинета и посмотрел сквозь неё на кипящий внизу Коррак.

Издали могло показаться, что город стоял на вершине очень высокой горы. Лишь вблизи становилось ясно, что на самом деле он парил в воздухе, ничуть не касаясь земли.

Формой Коррак напоминал зубчатую корону – шестнадцать молочно-белых пиков образовывали ровный круг. Между ними – бесчисленное количество мостов и воздушных переправ, лестниц и лифтов. На цепях покачивались висячие сады с настоящими деревьями и прудами. Дома знати располагались на самом верху, скрытые среди облаков. Кори демонстративно не боялись высоты.

Все полагали Коррак чудом. Как, если не по волшебству, были созданы его стеклянные башни? Как они держались в воздухе? Как сияли в ночи лунным светом? И почему хрустальные сферы – Сны Богов – стремились к ним со всей округи, привлекаемые невидимой силой?

Но Коррак не был чудом. Он был создан древней магией, и ей был обязан всей своей красотой. Теперь магия заканчивалась. Высыхала, точно сезонный ручей, оставляя после себя пустое русло. И Къевиту выпала непростая задача – придумать, как вновь его наполнить.

Он родился в Корраке, в этом самом пике. Его отец был прежде Паладином, а до него – дед, прадед, прапрадед. Впоследствии глава семьи решил отойти от дел, и Къев унаследовал пост. В самое недоброе время. Что тут скажешь? Его удачливость всегда была легендарной.

Реа

Реа плакала. Она делала это нечасто и лишь когда никто не видел. Слезы были слабостью, слабость – роскошью, а роскошь – не для Мева. И всё же она не могла сдержаться. Лошадь, арба... да к тому же и весь непроданный товар! Всё пропало. По её вине. Из-за её глупости. Старейшина Рарос спустит с неё шкуру.

Первые лучи солнца заглянули в укывшую её на ночь пещеру на вершине пригорка. Дождь кончился пару часов назад. Глядя на серо-жёлтую степь, что простиралась за цепью ванорских холмов, с трудом можно было поверить, что он вообще шёл. Земля оставалась сухой и жёсткой. Трещины расчертили её мелкой сетью.

Реа предстоял долгий путь пешком. Направляясь на ярмарку, она держалась больших дорог, проезжая через многочисленные поселения и коротая ночи в конюшнях на постоянных дворах. Для тилорки, которую она изображала, так было безопасней. Для Мева же... для Мева надёжней было идти через дикие холмы, где в лощинах прятались свирепые волки и медведи. Путь до Ваноры, проделанный на арбе, больше не казался в перспективе ни таким уж утомительным, ни таким уж опасным.

Реа утёрла слёзы. Хватит плакать. Надо двигаться.

Она стянула с себя тонкое платье – оно будет только мешать. Варку она потеряла и шарф тоже, так что никого всё равно уже не обмануть. Под платьем на ней была льняная туника до колен да чёрные онучи, которыми она плотно обматывала лапы, пытаясь сделать их незаметными. Так будет удобнее бежать, прыгать и карабкаться.

У неё остался кинжал. А ещё – мешочек с монетами, привязанный к поясу. Ну хоть его она уберегла! Благодаря этим грошам, возможно, старейшина Рарос не погонит её на все четыре стороны. Подумав так, она едва не разрыдалась снова. Какая же она бестолковая! Племя много дней потратило на то, чтобы собрать её на ярмарку. Два десятка ремесленников Мева доверили ей свои товары. А она всё потеряла!

Реа глубоко вздохнула раз-другой, чтобы совладать со вновь подступающими к горлу слезами, проверила, надёжно ли затянут пояс и стала спускаться с пригорка, оставляя за спиной изумрудную долину, навстречу сухой степи.

Она бежала много часов, чураясь дорог, прислушиваясь чуткими ушами, не доносится ли откуда топот копыт или человеческий голос. Полуденный зной был в самом разгаре. Солнце взобралось на небосвод и будто бы подзадержалось там, глядя вниз на залёгшие у горизонта облака, раздумывая, стоит ли спускаться.

Душистые луга и цветущая долина давно остались позади, отрезанные границей из холмов. Степь простёрлась к востоку. На западе выступил частокол бледных скал. Под ногами – сухая чёрствая почва. Пыль. Выносливые, свыкнувшиеся с засухой растения, тесно сцепившиеся стеблями под палящим солнцем.

Человеческому глазу такой пейзаж мог видаться однообразным, одноцветным. Реа видела его иначе. Для неё степь играла самыми разными красками. Каждая травинка – своего особенного оттенка, как нитки тилорского ковра сплетаются в изысканный золотой узор. Шафрановая степь. Янтарная степь. Медовая степь. Виток за витком, он складывался в сложные рисунки.

Когда Реа поднимала глаза к небу, она видела в нём едва заметные очертания всё тех же «мыльных пузырей». В детстве, во времена походов, мать рассказывала ей о снах, которые снились богам. О том, что пряталось внутри шаров: об эфемерных замках, о морях, о цветочных полянах и диких джунглях.

– Там нет законов Спящих, лишь красота, чувства и бесконечное воображение.

– Откуда ты знаешь, что в них? – спрашивала Реа. – Ты не бывала там.
У матери не было крыльев. Как все Мева она была привязана к земле.
– Бывала, – отвечала мать. – Во сне.

От матери Реа достались лапы – достаточно маленькие, чтобы их можно было спрятать под длинной плотной варкой и онучами, но по-кошачьи сильные и гибкие. Также от матери ей достался отличный слух и прекрасное зрение.

От отца Реа досталось человеческое лицо, человеческие руки с длинными пальцами и светлые человеческие волосы. Реа предполагала, что бледная кожа, которую болтун на ярмарке сравнивал с белоснежными пиками Коррака, тоже досталась ей от отца.

Мева не любили полукровок и терпели их исключительно по одной причине. Закон запрещал «кошкам» покидать резервации и как-либо контактировать с внешним миром. Мева возделывали землю, на которой росли исключительно самые упорные растения. Варили из стеблей еду и пиво, плели мебель и утварь. Да только этим одним ведь не проживёшь. Поэтому кому-то приходилось идти на риск – торговать. И вот тут-то им было не обойтись без полукровок. Без тех, кто походил на человека достаточно, чтобы обмануть невнимательный глаз. Так уж вышло, что Реа оказалась одной из них.

Путь домой лежал через скалистую местность. Она бежала, иногда припадая к земле, всегда начеку, всегда готовая схватиться за оружие. Будь она чистокровной Мева, ей было бы куда легче. Полукровки были слабее, их чувства – не такими острыми. Будь она чистокровной, она бы услышала приближение пантеры гораздо раньше.

Зверь прыгнул на неё из глубокой тени, что лежала в щели между валунами. Реа уловила движение краем глаза и едва успела отскочить. Пантера пронеслась мимо злобным вихрем. Девушка упала ничком на землю, перекатилась и тут же вскочила, взметая облако пыли и песка. Выхватила кинжал.

Зверь развернулся и зарычал, оскалившись.

«Почему люди обзывают нас кошками? Что у нас общего с этими злобными созданиями?»

Рео подняла руку с оружием, вспоминая материнские уроки. В то далёкое время, когда они ходили по неведомым никому тропам.

«Блефуй, утёнок, – говорила мать. – Что с людьми, что с птицами, что с животными – в любой опасности, блеф везде сгодится».

Пантера весила раза в три больше девушки. Её острые загнутые когти оставляли в песке следы, как от лезвий ножей. В рукопашной схватке у Реа с ней не было шансов. Нарастающая в груди паника уговаривала бежать, но бежать нельзя. Бежать – значит показать слабость. Слабые в степи погибают.

– Страх, – говорила мать, – это крошечная ледяная бусинка, которая рождается в сердце. Её надобно схватить и сжать, крепко-крепко. Растопить силой воли. А иначе она разрастётся, и будет расти, и расти, пока не проглотит твоё сердце целиком.

Рео так и сделала – схватила свой страх и стиснула его, подавляя, растапывая.

«Спокойно, Реа. Да, ты слабей, но пантера-то этого не знает. Нужно её обмануть. Блефуй, утёнок...»

Рео закричала. Это был нечеловеческий крик – больше рычание, сродное кошачьему.

«А может у нас и правда есть что-то общее?»

Пантера насторожилась. Потянула носом, пытаясь понять, что за существо перед ней – человек или зверь? Опасно ли? Стоит ли напасть? Или лучше идти своей дорогой?

На мгновение они замерли – дикая кошка и девушка с кинжалом в руке, а потом пантера прыгнула. Это был грациозный прыжок, стремительный и вместе с тем неторопливый – будто само время остановилось, давая ей возможность оторваться от земли и взмыть в воздух, изогнуться гибкой дугой и обрушить вес на жертву.

Реа бросилась вперёд, сжимая рукоятку оружия – до смешного маленького в сравнении с бронзовыми когтями зверя. Она размахнулась, метя в шею. Лезвие только скользнуло по шелковистой шерсти, оказавшейся неожиданно плотной и прочной, не хуже настоящего доспеха.

Будь Реа человеком, она не продержалась бы и минуты в битве против дикого зверя, но и до чистокровных Мева ей было далеко. Она слышала рассказы стариков о том, как они встречались один на один с пантерами и медведями, и выходили победителями из таких схваток. Она бы усомнилась, сочла бы такие истории простой похвалой у костра, если бы своими глазами не видела, как её мать убила однажды волка.

Атаки пантеры стали стремительнее. Они не оставляли ни секунды передышки, не давали поднять кинжал, прицелиться. Сил Реа только и хватало на то, чтобы вовремя уклоняться, отскакивать, да и то, с каждым разом это давалось трудней.

Вот зверь рванулся с места, налетел на неё и сбил с ног. И на сей раз ей не удалось быстро подняться. Падая, она сильно ушибла бок. Рукав туники превратился в лохмотья. Из порезов, оставленных мелкими камнями, сочилась кровь. Впервые с тех пор, как услышала рык пантеры, она испугалась. По-настоящему испугалась. Выпустила из кулака страх и почувствовала, как он разрастается, поглощая её.

Её глаза искали, напрасно, что-нибудь – что угодно – что могло бы хоть как-то помочь. И тут она увидела. Они с пантерой были не одни. У поединка был зритель.

На толстой ветке полусухого дерева, выросшего из трещины в скалах, сидела девочка. Реа не узнала в ней оборванку – ту самую, с которой она поделилась хлебом на ярмарке. Зато она узнала в ней птицу.

Реа не привыкла ожидать милосердия от чужаков. Тем более от Кори, и всё же в этом был её единственный шанс.

– Помоги! – крикнула Реа. – Помоги мне, пожалуйста...

Кори не двинулась с места и продолжала наблюдать, совершенно безразличная, будто бы перед ней бились два муравья, и исход был ей малоинтересен. Крылья за её спиной – едва видимые, как марево над горячей землёй.

Пантера тем временем уже снова ринулась к ней. С глухим криком Реа откатилась в сторону. Её отчаянно метавшийся взгляд нашёл в скалах, в нескольких шагах, узкую расщелину. В безысходности, девушка метнулась к ней и забилась в пространство между камнями, так глубоко, как смогла.

Зверь взвыл от досады и принялся ходить взад-вперёд, будто надеясь отыскать способ вытащить добычу из укрытия.

«Я в ловушке, – подумала Реа. – Пантера не уйдёт. Будет караулить, пока я не выберусь наружу. А когда выберусь, она меня съест».

Она больше не видела девочку-птицу. Рядом ли она ещё? Наблюдает своими равнодушными глазами или улетела? В узкой щели едва хватало места, чтобы сделать вдох, и всё же Реа набрала столько воздуха, сколько смогла, и крикнула на всякий случай:

– Помоги!

Голос прозвучал совсем слабо.

Пантера предприняла дерзкую попытку когтями выскрести Реа из укрытия, и девушке пришлось забиться глубже. Когти царапали камень в ладони от её плеча. Она больше не могла кричать – холодные камни совсем сдавили грудь.

– Помоги... – прошептала Реа, обращаясь уже не к коринке, а... к кому? К Спящим? Так ведь они не слышат. Они никогда не слышат...

Когти заскребли по камням, и Реа зажмурилась. Она не была отважным воином, как её мать. Она не была сильной, как её племя. У неё была одна-единственная задача – отвезти товары на ярмарку, а вместо этого она умудрилась потерять и телегу, и лошадь, и товары... Что ж, может быть, она заслужила то, что получила.

И тут что-то произошло. Нечто стремительное и тяжёлое упало с неба и с грохотом врезалось в скалу, совсем близко с тем местом, где укрылась Реа. Девушка открыла глаза. Камень! Булыжник, размером с куриное яйцо! Пантера дёрнулась и развернулась, отвлекаясь от Реа. В следующий миг второй камень полетел вслед за первым. Он врезался в землю, послав в воздух сноп щебня.

Очевидно, Кори всё-таки решила вмешаться. Промелькнув под самым носом у пантеры, которая не успела даже сообразить, что происходит, она подобрала с земли новый снаряд, и метнула им в зверя, попав аккурат промеж лопаток. Бессильная против нахальной девочки-птицы, парившей вне досягаемости в воздухе, пантера отступила и побежала прочь, забыв про загнанную в ловушку добычу.

Реа перевела дух. К тому времени, когда она собрала достаточно сил, чтобы выбраться из расщелины, девочка пропала. Унеслась на прозрачных крыльях, так ни слова и не сказав.

Откуда она вообще взялась?

И почему всё-таки решила вмешаться?

Реа обвела глазами округу, на случай если пантера не убежала далеко, а поджидала где-нибудь в укрытии. Нет, кажется, всё тихо. Тогда Реа оглядела себя. Порванная туника, кожа вся в ссадинах и порезах. Что за зрелище ожидает её племя, когда она вернётся! Она уже слышала голос старейшины Рароса:

«Ты – позор для Мева, Ареар!»

А что если... что, если вовсе не возвращаться? Может быть... она поглядела на мешочек с монетами, крепко-накрепко привязанный к поясу. На первое время ей бы хватило. Она могла бы стащить где-нибудь одежду, варку, снова притвориться тилоркой, добраться до большого города и затеряться в безликой толпе...

А дальше? Сможет ли одинокая Мева выжить среди людей? Ей не заработать на жизнь. И если её обман раскроется (тут ей живо вспомнился ужас, испытанный в Ваноре, когда тот разъярённый торговец сбил с неё шарф), у неё не будет места, куда сбежать. Где укрыться.

Думая так, она продолжила путь. И тут что-то на земле привлекло её взгляд. Зверёк, окровавленный и разбитый, глядящий в небо неподвижными глазами. Дикий заяц с длинными ушами и тёмным хвостом. В первый миг она решила, что его загрызла пантера, однако...

Она опустила на четвереньки, чтобы лучше рассмотреть его. Следы зубов пантеры, как если бы она схватила его, а потом оставила, отвлёкшись на что-то... или скорее кого-то – на Реа.

Что же не так? Зайцы водятся в прерии. Пантеры едят зайцев. Казалось бы, ничего необычного...

Реа принялась, расплетая полотно запахов – отделяя их, ловя тот, что был нужен, а лишние отменяя. Она прошла несколько десятков шагов, прежде чем увидела второго зайца. На сей раз следов зубов не было. Крошечное тельце было сломано, как будто упало с высоты. Из бока, среди свалывшегося бурого меха, торчала стрела. Реа выдернула её и присмотрелась. Оперение зелёное с чёрными крапинками. Не Мевская, не тилорская.

Если бы Реа взялась предполагать, то решила бы, что девочка-птица настреляла этих зайцев, чтобы разбросать здесь, выманивая пантеру из логова запахом крови. Только к чему ей это? Зачем Кори устраивать на неё засаду? А после этого самой же спасать?

Итта

Итта взмыла в небо, позволяя потокам воздуха пронести её на гребне, а затем нырнула вниз, окунаясь в свежее утро, как скопа, ныряющая в воду за рыбой.

У речной заводи группа ребятшек охотилась на выюнов. Стоя по колено в воде, они ловко орудовали сачками, а заметив Итту, так и подскочили, и приветствовали её восторженными воплями:

– Смотрите! Смотрите!

– Кори! Настоящая!

В этих краях её братья и сёстры были редкими гостями. Не удивительно. Есть ли в мире более безрадостная картина, чем степи? Глазу не за что зацепиться. Долина реки, где стояла одна из столиц, Ванора, была единственным ярким пятном на однообразном ландшафте. И Сны богов стремились к ней со всей степи.

Никто не знал, что управляет Снами – что заставляет их танцевать в воздухе, притягивает или отталкивает. Итту это, впрочем, мало заботило. Ей было гораздо важнее то, что скрывалось внутри.

Она пронеслась над рекой. Новые крики приветствовали её. Она умела становиться незаметной, но бывало, что ей нравилось, когда люди задирали головы и провожали её взглядами, и завистливыми, и восхищёнными.

– Птица! Птица!

Эти чумазные степные детишки отдали бы всё на свете, чтобы оказаться на её месте. Они и понятия не имели, что родиться Кори – вовсе не означало быть таким, как Итта.

В её семье, из четырёх детей лишь она умела летать. У самого старшего были крылья, но слишком слабые, атрофированные. У близнецов, что моложе его на три года – по одному уродливому крылу на брата. Тоже не полетаешь. И подобные изъяны были почти у всех Кори. У кого-то они проявлялись в крыльях, у кого-то – иначе. Итта, в отличие от братьев, родилась с прекрасными крыльями... и без языка.

Ну и пусть. Она ни на миг не жалела. По мнению Итты, куда лучше было уметь летать, чем болтать всякую чушь, и, если бы кто-то предоставил ей при рождении выбор, она оставила бы всё, как есть.

Итта резко взвилась вверх – так что даже уши заложило. Впереди показался прозрачный шар. К нему-то она и держала курс. Выше, выше, ещё немного... На миг на поверхности шара мелькнуло её отражение – хрупкая девочка с крыльями слишком большими для её худосочного тела – а следом, будто бы и впрямь нырнув в ледяную воду, Итта прошла сквозь барьер и оказалась внутри.

«Это как открывать подарок, – подумала она. – Всякий раз новый сюрприз».

Каждый Сон богов отличался своеобразием. Одни приятные и красивые, одни – мрачные и пугающие. А вот этот... этот оказался особенно странным.

Как это часто бывает, внутри он был во много раз больше, чем снаружи. Небо в нём переливалось серым и чёрным и немного жёлтым. Над её головой возвышалось некое строение, отдалённо напоминающее корабль: у него были две стройные мачты и вытянутый нос с галюнной фигурой в виде оскалившегося чудовища. Корабль парил в воздухе. Итта не увидела ни веревок, ни цепей, которые бы держали его. Он просто висел, сам по себе, не падая и не улета в небо.

Она вспорхнула на леер и едва не вскрикнула – не от испуга, от неожиданности. Палубу заполонили скелеты. Нет, Итту поразило не вид костей – за свои тринадцать лет она и не такое успела повидать. Тут было кое-что другое. Скелеты не усеивали палубу, как положено. Они стояли, прямо, застыв в боевых позах – с оружием, зажатым в костяных пальцах, в два ряда, друг

напротив друга. Ни дать ни взять фигуры перед началом шахматной партии или две армии, ожидающие призыва к битве. Итта прошлась меж рядов, заглядывая в пустые глазницы черепов, готовая мгновенно отскочить, если хоть один из них пошевелится.

Её собратья избегали подобных мест. Те, кто путешествовал по Снам, предпочитали, как правило, что-нибудь покрасивее, поприятнее. Итту притягивало иное. Каждый раз, пересекая границу Сна, она надеялась увидеть нечто подобное этому. Нечто такое вот жуткое и непонятное.

Она спустилась в трюм. Там царил порядок. В каюте капитана был накрыт к завтраку стол – тарелки и кубок, графин и приборы были расставлены на белой скатерти. Накрыт на двоих. Только самой еды не было – сгнила или не успели подать? Если бы сгнила, что-то всё равно осталось бы, нет? К тому же тлен не коснулся ничего прочего в каюте – ни дерева, ни тканей. Всё блестело, всё выглядело свежим, отполированным, отглаженным.

Взгляд Итты остановился на лежащей на столике у окна раскрытой книге. Она подошла, взяла томик в руки. Чтение не интересовало её, даже если бы скудного света хватило, чтобы разобрать текст. Что её привлекло так это медальон на тонкой серебряной цепочке, вложенный между страниц. Итта подняла его, повертела в пальцах. Насколько она могла разглядеть, работа была очень искусная. Нити серебра переплетались в овальной рамке подобно ловчей сети и образовывали рисунок... или скорее надпись.

Итта сунула кулон в карман и продолжила исследовать каюту, вдыхая запах воска для полировки мебели. Она нашла в сундуке отрез мягкой ткани и приложила его к щеке, а когда чуть-чуть разжала пальцы, шёлк легко выскользнул из них и слетел на пол.

Стало светлей. Она подняла взгляд к потолку. Он сделался полупрозрачным. Стены каюты начали мерцать. Похоже, пора уходить.

Сны были недолговечны – они понемногу таяли, одни медленнее, другие быстрее. Итта не знала, почему так происходит, но давно заметила, что чужое вторжение ускоряло процесс. Самое долгое пребывание во Сне для неё было... где-то чуть больше двух дней. Она помнила, как цеплялась за тот сон, не желая его отпускать. Тогда она была ребёнком.

Итта вырвалась из Сна на резвых крыльях и приземлилась на толстый сук дерева, что росло одиноко на холме. Сунула руку в карман и достала кулон. Он тоже таял – мираж, не выносивший света истинного мира. Она лишь успела прочитать слово, спрятанное в переплетении серебряных нитей прежде, чем он исчез – «Серлиссия».

Реа

Реа повернулась спиной к мутному зеркалу, вывернув шею настолько, насколько могла, разглядывая следы. Пять багровых полосок ярко выделялись на белой коже. Её не прогнали. Её просто побили.

– Ты – позор для Мева, Ареар, – сказал ей старейшина Рарос.

Старый ублюдок. Придумал бы что-нибудь новое.

Реа вздохнула и натянула тунику. Ткань тут же прилипла к не успевшим зажить ранам, оставшимся после встречи с пантерой. Девушка поморщилась. Ещё один недостаток полукровки – слишком тонкая кожа.

Она оглядела круглую комнату, пустую в это время дня. Хотя хижины в резервации были большие, жили в них по три десятка Мева – точно сельди в бочке.

Реа могла лишь вообразить каково это, иметь собственный дом. В редкие мгновения, когда фантазия её срывалась со строгой привязи, она рисовала хижину на берегу моря, звуки волн по утрам, и, обязательно, расписанные яркими красками стены.

Мева всегда украшали свои дома. В скромных хижинах в резервации стены пестрели сложными узорами, а крыши – резными фигурками. Руки Мева немного отличались от человеческих – пальцы были толще, а вместо ногтей – острые когти. Многие узоры мастера Мева вырезали именно когтями, что придавало их работе узнаваемый вид. Разумеется, тот товар, что Реа возила на ярмарки, был лишён этой уникальности, чтобы не выдать, кому на самом деле принадлежит работа, и это её всегда печалило. Мева теряли своё искусство, пряча его за подражанием чужим народам.

Девушка сунула руку под кровать и достала припрятанный ранее кулёк с карамельками. Хорошо, что она положила его вместе с деньгами, а то и гостинец пропал бы вместе со всем добром. Выйдя из дома, она направилась к реке, подальше от поселения и взглядов – любопытных, сердитых, презрительных – всех одинаково ей неприятных.

У реки на плоском валуне её ждал Ари. Он тоже был полукровкой, но в отличие от Реа, ему было не пройти за человека. Так уж вышло, что Ари досталось человеческое тело, и только лицо от Мева: огромные зелёные глаза, широкая выдающаяся переносица и, конечно, остроконечные уши, которые ни под каким тюрбаном, ни под каким капюшоном не спрячешь.

– Привет, – сказала Реа, залезая на камень и пристраиваясь рядом с Ари.

– Привет, – отозвался тот, и кивая на кулёк спросил: – Это мне?

– Кому ж ещё?

Она сунула карамельки ему в руки, и Ари, недолго думая, набил рот. Его редко баловали подарками.

Реа задумчиво разглядывала его вытянутые ноги, покрытые бронзовым загаром. Пальцы без когтей. Человеческое тело внушало ей смесь любопытства и неловкости. Что стало бы с ней, если бы она родилась такой, как Ари? С лицом Мева? Её бы уж точно не стали бы терпеть. Ари был сыном Рароса, и это берегло его, но удел полукровки, пусть даже сына старейшины, всё одно был незавиден.

– Говорят, – сказал Ари с набитым ртом, – ты сказала, что сражалась с дикой кошкой.

– С пантерой, да.

– Говорят, что ты всё выдумала.

– Мне нет дела, кто там во что верит.

– А я сказал, что раз ты сказала, то так и есть. Ты никогда не лжёшь.

– Я всё время лгу.

– Не нам. Не своим. Так как ты её победила?

– Я не победила. Меня спасли.

– Кто?

– Кори.

– Птаха? – Ари проглотил остатки карамели и посмотрел на неё широко распахнутыми кошачьими глазами. – Птаха тебя спасла?

– Она стала кидать в пантеру камнями. И той ничего не оставалось, кроме как бежать со всех ног.

– А зачем она это сделала? Птахи же нас ненавидят... да?

– Они нас не ненавидят, Ари. Им на нас просто плевать, живы мы или гниём на дне болота.

– Той птахе, значит, не плевать.

Реа поразмыслила над этим.

– По-моему, – сказала она осторожно, – она сама и подманила пантеру, чтобы та на меня напала.

– Зачем?

– Помнишь, как ты в детстве устраивал паучьи бои? Может быть, такая у птиц теперь забава, только вместо пауков у них Мева.

– Если бы так, зачем ей тебя спасать? – Ари растянулся на камне. – Я пауков никогда не спасал. Даже если тот, что мне больше нравился, проигрывал.

– Спроси, что полегче.

Реа улеглась рядом с ним на спину.

– Я очень испугался, когда увидел тебя, – прошептал Ари. – Всю в крови. В порванной рубашке. Я подумал, что это люди тебя поймали и так отделали. Подумал, что больше не пущу тебя на ярмарку. Там слишком опасно.

Ари был младше Реа на два года. Стало быть, ему едва минуло семнадцать, но Реа он казался совсем ребёнком. Да и как иначе? Он никогда не покидал поселения. Не видел реального мира. Не рисковал своей шкурой в толпе враждебных людей.

Она не презирала его за это, напротив, завидовала ему.

– Не отпустит он! – фыркнула она. – А кто тебя спрашивает-то? Не буду ездить на ярмарки, какой от меня прок? А коли так, твой отец меня выгонит.

– Ты можешь делать что-нибудь другое.

– Нет, Ари, не могу. Мева не нужна ещё одна сборщица риса. Им нужны торговцы. Поэтому вместо того, чтобы меня отговаривать...

– Реа! Гляди! – Ари так и подскочил, указывая пальцем вверх.

Реа села, прикрывая глаза ладонью от солнца. Тень, чуть заметная в ярком небе, пролетела над рисовой делянкой и приземлилась на границе жидкой рощицы по другую сторону реки.

– Это же не... – начал Ари, и не договорив вдруг сорвался с места и побежал к мосту.

Реа в два прыжка обогнала его, её лапы – куда быстрее его ног.

– Подожди! – она преградила ему дорогу. – Ари, стой! Она может быть опасна!

– Да я только одним глазком...

– Нет! Обожди тут! Не подходи к ней. Ну, пожалуйста, – добавила она, в ответ на его раздосадованный взгляд.

Ари нехотя кивнул, и тогда Реа первой перешла мост и двинулась к роще.

Девочка-птица сидела на толстой ветке дерева, подобрав под себя ноги. Теперь Реа могла лучше её разглядеть и наконец узнала в ней попрошайку с ярмарки. Худенькая, темноволосая. Нечёсаная. Босая. Оборванка оборванкой, она решительно не соответствовала образу Кори – гордой, красивой, безупречной.

Девочка склонила голову набок, будто читая её мысли. Крыльев видно не было. Как, интересно, они их прячут?

– Кто ты такая? Чего тебе надо? – крикнула Реа, опасливо приближаясь к дереву. Она стискивала руки в кулаки, воображая, что в каждом из них зажато зёрнышко страха. Если держать его крепко-крепко, оно не прорастёт. Не расплзётся.

Но кроме страха было и кое-что ещё. Неожиданный абсурдный восторг. Детское восхищение, которое оживало в груди любого существа на земле при виде Кори. Этому чувству тоже нельзя было давать воли. В какой-то мере оно было опаснее страха.

– Это ты приманила того зверя, чтобы он напал на меня?

Девочка молчала. На вопрос Реа ответил другой голос. Мужской. Сиплый. Принадлежавший фигуре под деревом, которую Реа поначалу не заметила.

– Простите мою дочь, – сказал незнакомец, выходя из глубокой послеобеденной тени. – Она, бедняжка, немая с рождения.

Одежда на нём была простая и неприметная. Внешность его – тоже не больно выразительная. Темноволосый, темноглазый, крепкой комплекции.

– Моё имя, – сказал он, слегка наклоняя голову, – Скьют, а её – Итта.

– Вы тоже из них? – спросила Реа. – Птица?

Он скривил губы.

– Мы оба Кори, госпожа Ареар.

Он сделал небольшой акцент на слова «госпожа», и обращение прозвучало как издёвка. Реа пропустила укол мимо ушей, слишком уж её волновало другое.

– Откуда вы знаете моё имя? Что вам надо? Это она натравила на меня ту кошку?

– Я знаю ваше имя, потому что мы с Иттой следим за вами уже некоторое время. Нас озаботил такой задачей Паладин Коррака. Видите ли... нам нужен провожатый, и вы, молодая леди, годитесь для этой цели, как нельзя лучше.

– Провожатый? – переспросила она, сбитая с толку. – Куда?

– В Экрузим.

Реа рассмеялась, но тут же оборвала себя, встретив непроницаемый взгляд.

– Вы серьёзно? На кой чёрт вам сдался Экрузим?

– Сие, – Скьют развёл руками, – боюсь, тайна, которую мне никак нельзя выдавать.

Реа нахмурилась. Экрузим... как же давно её уши не слышали этого названия! Она сомневалась, что город остался невредим. Даже в то далёкое время, когда она ходила туда с матерью, он был не более чем потерянными среди камней развалинами. Кто знает, что случилось с ним за прошедшее десятилетие?

– Мы, – улыбнулся Скьют, – готовы щедро оплатить услугу. Как насчёт ста золотых?

Реа так и разинула рот от удивления. Сто золотых! Да она за всю жизнь не видела такой суммы разом!

Ей потребовалась пара мгновений, чтобы оправиться от потрясения и покачать головой:

– Экрузим – священный город Мева. Птицам в нём делать нечего.

– Экрузим давно всеми забыт, – мягко сказал Скьют. – Ваши духи не рассердятся.

Реа не ответила. Она посмотрела вверх, туда, где среди ветвей сидела Итта, совершенно безучастная к разговору. Скьют проследил её взгляд.

– Да, насчёт зверя... – он потёр лоб, изображая смущение. – Вы должны простить мою дочь. Она немного перегнула палку. То была проверка. Она хотела посмотреть, как вы поступите в опасной ситуации. Испугаетесь ли. Умеете ли постоять за себя. У нас бывали в прошлом проблемы с провожатыми, которые бросались наутёк при виде врага, что приводило к ужасным последствиям. Согласен, испытывать вас таким образом была не лучшая из её идей.

– А если бы зверь загрыз меня?!

– Ну что вы! До этого бы не дошло. Она ведь защитила вас.

– Да, но...

– Пусть её юность не вводят вас в заблуждение. Она – опытный воин. Мы оба. И мы сможем обеспечить вашу безопасность на тропе к Экрузиму. Сколько времени вам понадобится, чтобы собраться в дорогу?

– Погодите-ка! Я что, разве согласилась?

Он уставился на неё совершенно непонимающим взглядом. Похоже, то, что она может отказаться, даже не приходило ему в голову.

– А... вы мне не верите, – сказал он спустя пару мгновений. Полез за пазуху и достал оттуда звенящий бархатный мешочек. – Вот, я готов внести предоплату. Пятьдесят золотых. И ещё пятьдесят после возвращения... Ладно, семьдесят! Это целое состояние, девочка. Для вашей общины, – он кивнул за реку, туда, где за холмом пряталось жалкое поселение Мева, – это больше, чем вы зарабатываете за целый год.

А то и за два.

Изумление, на время заморозившее эмоции Реа, растаяло под жаром гневного румянца. Раны на коже заныли пуще прежнего. Усталость, злость и досада, которых она хлебнула с лихвой за последние дни смешались в эдакое ядрёное зелье, придавшее ей решимости.

– Вы знаете, как Мева жили раньше? – спросила она, окидывая взглядом лежащую за рекой резервацию. – До того, как вы, Кори, выдумали резервации и согнали нас сюда, как скот?

– Нет, – ответил Скъют терпеливо.

– Вот и я тоже не знаю. Я родилась уже после. У меня никогда не было собственного дома. С тех пор, как мне минуло четырнадцать, я рисковала жизнью за одну сотую того, что вы мне сейчас предлагаете.

– Так в чём же, стало быть, проблема?

– Проблема в том, – она повернулась к нему, – что всё, что вы нам оставили – это наши традиции. Поглядите вокруг. Вы изгнали нас из наших домов, отняли Ванору, превратили нас в изгоев.

– Резервации были сделаны для вашей защиты. Для сохранения культуры и традиций Мева, которыми вы так гордитесь и которых по своей же вине едва не лишились. Не нужно извращать историю и попрекать Кори за свои беды. Мы помогли вам. Мы защитили вас от гнева людей. Мы нашли компромисс, который вы сами найти не смогли.

– И что за отличный компромисс! Превратить своих братьев-Благословенных в пленников на их же земле!

– Вы лишились своих земель задолго до вмешательства Кори. Резервации спасли ваши шкуры. Меньшее, что вы можете сделать теперь, это помочь нам в нашей миссии. В благодарность за помощь, которую мы вам оказали.

Реа едва не задохнулась, услышав такие слова. Благодарность? Да он спятил?

– Экрузим, – процедила она, – наша святыня. Вы не имеете на него права.

– А если я пойду к вашему старейшине? Он будет такого же мнения?

– Старейшина ведаёт делами общины, а дела духовные – в руках Хранителей.

– Хранителей давно не осталось, – сказал тогда Скъют, стирая с лица всякий намёк на доброжелательность. – Что, если я предложу вашему старейшине эти деньги, в обмен на твою помощь? Уж он-то, поди, найдёт управу на твою несговорчивость.

Реа стиснула зубы. Кори был прав. Рарос не откажется от такого щедрого предложения. Старейшину больше волновало благополучие поселения, а не полузабытые обычаи. А после убытков с ярмарки – особенно. Но Рарос для Реа не указ. Никто, кроме неё не знает тайных троп Поухт Рейе. Захочет, она сможет завести птиц в ловушку, а они и не поймут, пока не будет поздно.

– Вы правы, – сказала тогда Реа. – То, что случилось с Мева, действительно наша собственная вина. Мы потеряли свой статус. Позволили людям, Орана и Кори разобрать по кусоч-

кам наши земли. Покорились и приняли свою судьбу. А всё почему? Потому, что были слишком мягки. Вы зовёте нас кошками, но разве мы похожи на кошек? Кошки не смирились бы так – с притеснениями, с презрением. Они бы царапались и грызлись до последнего. Мы же покорились. Но я не Мева, не вполне. А посему говорю тебе, проклятая пичуга, чтобы ты засунул своё золото в свою пернатую задницу и проваливал на все четыре стороны!

Внутри она сжималась от ужаса, произнося эти слова, потому что никто – никто! – в Триаде не смеет говорить подобным образом с Кори.

Блефуй, утёнок.

Реа повернулась спиной к птице и пошла прочь, ожидая в любой момент получить стрелу промеж лопаток. Стрелы не последовало. Она услышала тихий шорох, который мог быть хлопанием крыльев, а когда – лишь перейдя мост – обернулась, на другой стороне реки никого уже не было.

*

В пяти милях от резервации Мева стояло небольшое поселение – да и не поселение, по сути, а скорее безымянный перевалочный пункт на пути торговцев, с трактиром, постоянным двором и конюшнями.

Трактир носил название «Серый зимородок», и Реа, с некоторых пор, сделалась его завсегдатаем. Мева здесь, само собой, не приветствовали, но человеческое лицо годилось не только для ярмарок. Реа подула на пенку, стоявшую на поверхности тёмного эля пышной шапкой. Ей не следовало здесь находиться, да, но ей много чего не следовало делать.

Само собой, в трактир её манил не эль. Ранний вечер, покуда народу не много и не мало – самое время наблюдать.

– Изучай людей, если хочешь на них походить, – наставляла старейшина Ирира. Конечно, вряд ли она имела в виду изучение посетителей грязного человеческого трактира, ну так она же не уточняла...

Реа любила наблюдать за всеми: и за торговцами, и за путешественниками, и за бродячими шаманами. Она изучала мужчин с их всевозможными бородами и курительными трубками и грубыми голосами. Она изучала женщин с их туго затянутыми корсетами и кокетливыми полуперчатками и зажатыми в пальцах самокрутками. Ей нравились шумные пёстрые гадалки. Их подола едва достали середины икр, открывая глазу полосатые чулки и стоптанные башмаки. Обувь занимала Реа превыше всего – ботинки из крокодила, сапоги на каблуках, туфли с нарядными пряжками. Она даже знала, что носила бы, будь у неё ноги вместо лап – маленькие дерзкие сандалии со шнуровкой. Как бы они ей пошли!

Она сделала смелый глоток, слизнула пену с верхней губы, подняла глаза и встретила взглядом с мужчиной за соседним столом. Он улыбнулся ей, и она чуть было не улыбнулась в ответ, но вовремя одёрнула себя. Эль! Что-то он сегодня слишком крепкий.

Она опустила голову, натягивая капюшон на лоб, но всё-таки не выдержала и снова посмотрела на соседа. Он успел позабыть о ней и разговаривал теперь с подавальщицей. Что ж, так она могла его разглядеть: светловолосый, но смуглый, с очень тёмными глазами. Красивый. Старше неё лет, может быть, на десять...

...и к тому же человек, Реа, так что немедленно перестань пялиться! Неужели опыт матери тебя ничему не научил?..

...о, нет, только не это...

Мужчина повернул голову и снова поймал её взгляд, а потом вдруг встал, подцепил со стола свою кружку и не спеша направился к ней. Она наблюдала в ужасе, как он перешагивает через скамейку и садится напротив.

– Слушай, – быстро сказала Реа, – без обид, мне сейчас не...

– Ареар, я полагаю? – перебил её незнакомец, и она умолкла, потрясённая. – Нет, не пугайся и не убегай. Пожалуйста. Я пришёл поговорить.

– Ты – один из них, да? – догадалась она. – Кори? Я же сказала...

– Знаю. Я должен извиниться за Скьюта. Он, видимо, пропил последние мозги. Хотя, пожалуй, вина тут лежит и на мне. Не стоило отправлять его с таким деликатным заданием.

У него был низкий голос, негромкий, но и не тонуший в окружающем гомоне. Голос, привыкший, что его слушают. И Реа слушала помимо своей воли.

– Я отказала не из-за грубости твоего друга, – сказала она. – Экрузим – святыня Мева, одна из немногих оставшихся. Вам там не место!

– И тем не менее... мы можем поговорить?

– Я не передумаю. Ни за какие деньги.

– Тогда просто выслушай. И если после этого ты скажешь «нет», так тому и быть. Я улечу и больше не побеспокою тебя. Полчаса, больше ни о чём не прошу.

Ей следовало отказаться, и она непременно отказалась бы, не будь он Кори. Но вот он, сидел перед ней, настоящий, из плоти и крови. Существо почти мистическое. Обитатель загадочного Коррака. И он не издевался над ней, не угрожал и ничего не навязывал, как тот, другой. Хотел поговорить – и только. Любопытство одержало верх над благоразумием. Она выслушает. И откажется. И всё.

Всё.

Реа кивнула.

– Пойдём со мной, – Кори встал, быстро допивая своё пиво. Она тоже поднялась и поплелась за ним через толпу, густевшую вместе с вечерними сумерками.

На выходе из трактира он задержался и уступил ей дорогу, придерживая дверь. Непривыкшая к галантности Реа фыркнула про себя.

Они вышли из окружения невысоких зданий и двинулись навстречу темнеющему небу. В степи закаты наступали стремительно, вскипали на горизонте и разливались потоком раскалённой смолы. А вслед за тем так же стремительно затухали, и ночь смыкала над их тлеющими останками мрачные волны.

Кори остановился на невысоком холме и поманил девушку, приглашая присоединиться к нему. Она подошла, поглядывая на него с настороженным любопытством.

– Моё имя Кьевит, – представился он.

– Я сказала бы, что мне приятно познакомиться, но пока не уверена.

– Справедливо.

Он помолчал, глядя в небо, туда, где захлёбывалось за горизонтом солнце. А потом начал говорить, сразу и прямо, не ходя вокруг да около:

– В Экрузуме спрятано кое-что очень важное для Коррака. Это – не оружие и не сокровище. Для вашего народа оно не представляет никакой ценности, зато для нас – бесценно.

– Что это такое? – спросила она.

Мать никогда не рассказывала ей о том, что Экрузуме что-то хранится. Реа и не предполагала, что город может иметь какую-то ценность, кроме религиозной.

– В Корраке мы зовём его *ольфеей*. Это переводится, как...

– Плод, – сказала Реа. – Да, я знаю.

– Ты знаешь Древнейший язык? – в голосе Кьевита прозвучало нескрываемое удивление. И правда, откуда бы чумазой кошке знать мёртвый язык, на котором кроме, пожалуй, Корракских учёных никто и не говорит?

Реа выучила его от матери – да и не то, чтобы выучила, так, нахваталась немного. А вот откуда Древнейший язык знала Айла – это настоящая загадка. Реа не хотелось пускаться в объяснения. Пусть себе птаха дивится, будет ему урок. А то позабыли совсем, что Мева, между прочим, тоже одна из Благословенных рас.

– И что представляет из себя ваша *ольфея*? – спросила она.

– Кристалл или что-то вроде того. Он обладает волшебной силой... которая нужна Корраку. Больше я не могу рассказать.

– Этого недостаточно.

Кьевит развёл руками.

– Прости меня. Тайны Коррака не подлежат разглашению.

– Как и тайны Мева.

Он серьёзно кивнул.

– Я понимаю, что многого прошу, но и ты попробуй понять меня. Я не учёный и не политик. По сути, я обычный солдат. У меня есть задание, очень важное, и я хочу его выполнить. Ты знаешь, каково это. Когда ты отправляешься на ярмарку, переодевшись человеком, ты рискуешь во благо своего народа. То же самое делаю и я.

– Такая у тебя стратегия? – скривилась Реа. – Подкупить меня не вышло, и теперь ты пытаешься разбудить во мне сочувствие? Дескать, мы с тобой похожи. Извини, я не слепая. Между тобой и мной столько же общего, сколько у орла, парящего в небе, и червя, барахтающегося в дождевой луже.

– Боюсь, что моя стратегия не в этом. Я, как ни банально, тоже надеюсь тебя подкупить.

Она открыла рот, подыскивая гневные слова, но он опередил:

– Не золотом, ты выразилась вполне определённо, когда отвергла предложение Скъюта.

У меня есть другое.

– Я не...

– Ты согласилась выслушать, – напомнил он. – Я могу только гадать, что у тебя за жизнь. У полукровки в любом обществе незавидное положение. Даже в Корраке. У меня был знакомый в юности. Его отец был человеком, а мать – Кори. Как часто случается в таких случаях, он родился без крыльев и других способностей, свойственных Благословенным. Он никак не мог найти себе место – ни среди птиц, ни среди людей. Однажды он сказал мне, что отдал бы всё на свете чтобы стать кем-то одним – не важно человеком или Кори, но чистокровным.

Реа опустила глаза.

– А я-то тут причём?

– Предполагаю, что ты тоже хотела бы этого. Быть кем-то одним. Не балансировать вечно на границе между двумя народами, которые одинаково считают тебя чужой.

– Ты не можешь исполнять желания, – прошептала она, несколько неуверенно.

– Такое желание я могу исполнить.

Она подняла глаза, чтобы взглянуть в выражение его лица.

– Превратить тебя в человека – нет, а вот сделать так, чтобы никто не узнал в тебе Мева, к примеру, я могу.

– Как?

– Ты знаешь, как Кори прячут крылья? – он залез рукой в вырез рубашки и достал круглый кулон, похожий на монету, висевший на цепочке, на шее. – С помощью этого. Мы зовём их *лейфтами*. Такие амулеты невероятно редки. Коринская знать передаёт их по наследству. С помощью них мы прячем свои крылья, если не хотим, чтобы их видели. Но они годятся и для другого – *лейфт* может полностью изменять внешность хозяина. Пока он у тебя на шее, окружающие будут видеть тебя такой, какой хочешь.

– И... – как замороженная, Реа уставилась на амулет, – ты отдашь его *мне*?

– Если ты отведёшь меня и моих спутников в Экрузим.

– С ним я смогу стать кем угодно?

– Кем пожелаешь.

Не дрожать на ярмарках, в вечной боязни быть обнаруженной? Да что ярмарки! С таким вот *лейфтом*, она может покинуть резервацию навсегда. Никто её не остановит, никто

не узнает, никто не заподозрит. Она прикусила нижнюю губу. Свобода, о которой она так мечтала. Вот она, на его протянутой ладони... в обмен на святыню её народа.

– Вы не замышляете зла? – спросила она после паузы. – Вы не тронете город?

– Нет. Всё, что нам нужно – найти кристалл.

– Ты меня не обманываешь?

– Клянусь честью.

– Откуда мне знать, честный ли ты?

– Чем мне тогда поклясться?

Она подумала над этим.

– Корраком, – сказала она, наконец.

– Клянусь Корраком, – тут же отозвался Къевит, – что мы не причиним вреда Экрузиму.

А после того, как мы выберемся, я отдам тебе *лейфт*, и ты сможешь уйти и жить так, как хочешь.

Напрасно она согласилась выслушать его. Говорят, что у каждого есть свой ценник. Реа полагала, что это неправда – у неё ценника нет. Предложи ей Кори золотые горы, она отказалась бы. От чего угодно. Но как отказаться от свободы? От того, о чём она мечтала всю свою жалкую жизнь? Побои, презрение, неприятие – что среди чужих, что среди своих. Она терпела их с детства и будет терпеть до самой старости.

А тут... будь кем хочешь! Живи как хочешь! А взамен? Горстка камней, которая никому, кроме её матери и нужна-то не была...

– Я не могу, – выдавила Реа, закрывая лицо руками. За свою жизнь ей приходилось проносить немало трудных слов, но эти были труднее их всех вместе взятых. – Просто не могу!

Къевит помедлил, затем коротко кивнул.

– Вот что, – сказал он, – завтра я буду ждать в «Зимородке». Ровно до полуночи. Если передумаешь, то приходи.

Она склонила голову, чувствуя себя несчастной и раздавленной.

– А не придёшь, – Кори пожал плечами, – что ж, никаких обид.

Къевит

Скъют даже протрезвел от злости.

– Ты спятил? – бушевал он. – Да, так и есть, спятил! Иначе не объяснить! Неужели мало полоумной Итты на мою больную голову, так ещё и ты? Что на это скажет отец?

– Ничего, – ответил Къевит, – если ни о чём не узнает.

– Рано или поздно, узнает.

– В таком случае, я предпочту, чтобы он узнал, как можно позже.

– Что будет, когда Император спросит тебя, куда ты его дел?

– Она отказалась, так что нет никакой проблемы. Успокойся, Скъют.

– А если она передумает? Приказ приказом, но это выходит за всякие рамки! Это ведь... – тут он запнулся и, понизив голос до шёпота, закончил, – *предательство*.

– Ты забываешься, – сказал Къевит, пытаясь укрыться за бронёй своего поста. – Ты пока что мой подчинённый, и не тебе оспаривать мои решения.

– В эту самую минуту я – твой старший брат. И боюсь за тебя! Скажи, что это – хитрость. Скажи, что ты не собирался действительно отдавать ей *лейфм*.

– Собирался, Скъют, – сказал Къевит мягко.

– Ты не скроен для такой работы, – брат сокрушённо покачал головой, – я тысячу раз говорил отцу. Ты не годишься быть Паладином. Ты слишком честен. И безрассуден.

– Полагаешь ты справишься бы лучше на моём месте?

– Мне твоё место никто не предлагал.

– Вот именно.

В уголке губ Скъют появилась на мгновение и тут же исчезла болезненная морщинка. Он подлил себе вина и спросил уже спокойнее:

– Так она отказалась, а? Небожь, и не поняла, что именно ты ей предлагаешь.

– Она может передумать.

– Девчонка упряма, как ослица. А я вот теперь и не знаю, что бы предпочёл: чтобы она согласилась, и мы выполнили нашу задачу, или чтобы отказалась, и мой глупый младший брат сохранил свой проклятый *лейфм*.

Скъют опрокинул кружку, ловко вливая содержимое в рот.

«Годы практики налицо», – хмуро отметил про себя Къевит.

– Не ищешь лёгких путей, да? – продолжил Скъют. – Можно было предложить что-нибудь другое, что её заинтересует.

– Не всех можно подкупить деньгами. Иногда нужно что-то особенное. А мы и правда просим у неё очень много. Что есть у Мева, кроме из городов?

– Тогда почему бы не поискать более сговорчивого проводника?

– Никого не осталось. Айла, её мать, была последней, кто знал туда дорогу. А мы и так слишком долго искали, чтобы и дальше тянуть время.

– А что, если бы я пошёл к их старейшине? За сто золотых старый кот живо бы вправил девчонке мозги.

– Сомневаюсь.

– Откуда тебе знать, что творится в головах у кошек?

– По опыту знаю, что в головах – и неважно, на чьих плечах они сидят – творится примерно одно и то же. И я бы не стал злить девушку, от которой на тропе будут зависеть наши жизни. Она должна пойти по доброй воле.

– Так чёрт с ней, Къев, – сказал Скъют после долгой паузы. – Найди иной выход. Если Император узнает, он... что он сделает? Какое наказание ждёт птицу, прохлопавшую свой *лейфм*?

Къевит неопределённо повёл плечами. Он не хотел думать об этом – не теперь. Его ум занимала другая задача, куда более сложная. Если Ареар согласится – а это очень большое «если» – им предстоит путешествие по Нируни в компании Мева. И как только он это провернёт?

Он мысленно нарисовал перед собой, на потёртой поверхности стола, карту материка. Королевство Нируни лежало к западу от Триады, огромная территория, изрытая лощинами и перегороженная скалами. Полвека назад Нирунийцы не владели и третью этих земель, но приход к власти нового правителя повлёк за собой многочисленные военные кампании, все успешные. Они были бы не прочь отхватить кусок и от Триады, если бы не страх перед Кори.

А посему, если весть о нынешнем положении верховной столицы Триады дойдёт до ушей Нирунийцев, в голове их правителя немедленно возникнет пара-тройка опасных идей. Лишний повод сохранить их поход в строжайшей тайне.

– Так какой, – спросил Скъют, – у нас план? Если она передумает?

– Я отправлю Киззи вперёд, чтобы раздобыл нам лошадей, повозку, документы, провизию. Нирунийских денег. Всё, как полагается. Он будет дожидаться нас в Нимилине.

Нимилин был небольшим городом на границе двух держав – Триады и Нируни.

– Мы поедем по дороге? У всех на виду?

Къевит пожал плечами.

– А почему нет? Девушка вполне сойдёт за человека, так зачем нам прятаться?

– У неё уши-лопухи, лапы вместо ног, да глазищи на пол лица. Попробуй такое спрятать.

– Она торговала на ярмарках по всей Триаде, и ни у кого не возникло сомнений. В прошлый раз ей просто не повезло. Если бы человек не сорвал с неё шарф, никто бы и не понял. А нашей задачей будет сделать так, чтобы подобная ситуация с ней не повторилась.

– Легко сказать.

Къевит, в душе полностью разделявший пессимизм брата, отмахнулся.

– Брось переживать, Скъют. Нам обоим не повредит немного приключений.

Реа

Реа провела ночь на берегу реки, завернувшись в стрекот призрачных сверчков и глядя в звёздное небо.

– То шёлковый полог, сотканный богиней грёз, – рассказывала старейшина Ирира маленькой Реа, когда та не могла заснуть, скучая по матери, по дороге, по свободе. – Ей жаль было оставлять людей на милость кошмаров, что живут в ночи, и она обернула им землю, чтобы, любуясь его красотой, мы забывали о страхах.

Именно Ирира обучила Реа вести себя, как человек, носить платье, прятать уши и лапы, и была добра к ней, как родная мать. Когда Реа осиротела, старухе уже перевалило за сотню. В её памяти береглись те далёкие времена, когда хранители святых городов были почитаемы.

– Не скучай по священным тропам, дитя, – говорила Ирира, – однажды ты к ним вернёшься. Ты возродишь хранителей, которым передашь наши тайны.

Придёт ли и впрямь такое время? Мева забывают старые предания. Они им не нужны. Вот старейшина Рарос, к примеру. Какое ему дело до Экрузима? Реа так и слышала его голос: «К чему тратить время, кланяясь камням, когда рис ещё не убран?»

Был ли Экрузим действительно горсткой никому не нужных камней? Или в нём скрывалось что-то важное? Что это за кристалл, *ольфея*, который зачем-то понадобился Кори? Реа никогда о таком не слышала.

Она пыталась вспомнить свои ощущения, когда была в Экрузуме с матерью. Входить в сам город запрещалось – даже самим Хранителям. Поэтому они только приближались к запертым воротам, к алтарю, что стоял перед ними, и мать склоняла там колени и начинала петь. И как она пела! Как жаль, что никто, кроме маленькой дочери да древних стен не слышал её голоса. Как жаль, что мотивы и слова тех песен теперь жили лишь в памяти Реа...

Но так ли это на самом деле? Реа хорошо помнила, как стояла у ворот Экрузима, под взглядами масок из жёлтого сияющего метала, что их украшали. То были лица Мева, с широкими носами, высокими ушами и раскосыми отверстиями вместо глаз. Реа разглядывала их... и каждый раз ей казалось, что они там не одни. Пусть по ту сторону ворот царил абсолютная тишина, Реа не покидало чувство, что кто-то кроме неё тоже слушает материнское пенье...

Лишь раз, движимая любопытством, она посмела нарушить запрет матери. Руки сами собой потянулись к латунному кольцу на створке ворот – *мать отвернулась, она не увидит, давай, Реа, сейчас, просто потяни, и ты узнаешь...*

Так она и сделала – взялась за ручку и потянула. Она не ожидала, что ворота откроются – они казались такими тяжёлыми, массивными. Тем не менее, створка поддавалась, лёгкая и плавная на беззвучных петлях... Пенье за спиной оборвалось, в один гибкий прыжок, мать была рядом с ней. Сгребла в охапку и уволокла прочь от ворот, отвесив при этом такую оплеуху, что весь обратный путь у Реа звенело в ушах. Айла не церемонилась ни с кем, даже с дочерью. И ничего никогда не объясняла.

– Что же он хранит, мама? – прошептала Реа, лёжа без сна в траве, под шёлковым покровом, сшитым богиней.

Она заснула за пару часов до восхода, а там охотники за раками затащили утреннюю песню, и она проснулась от их громких голосов, совершенно разбитая, но утвердившаяся в решении, что не пойдёт в трактир. Пусть Кьевит и его товарищи-Кори поищут другого проводника. А лучше вовсе забудут об этой затее.

Её решимость то крепла, то таяла в течение дня. Она занимала себя работой, с маниакальной энергией вычистила дом и перетёрла посуду. Выволокла на улицу ковры и покрывала, и выбила палкой скопившуюся в складках пыль. Она молила солнце поторопиться, потому что с наступлением ночи исчезнет и соблазн. Исчезнут сомнения.

Стоило ей закрыть глаза, как перед ней, точно из-под кисти художника, представали картины возможного будущего. Прежде оно виделось ей безысходным и одиноким. Кори обещал ей свободу... – нет, не свободу. Относительную свободу, так правильнее. Тот амулет, он будет чем-то вроде варки, прячущей, но не меняющей её сущность.

А если бы она и согласилась, кто знает, удастся ли ей правильно вспомнить маршрут? Сколько лет прошло с тех пор? Вечность! Конечно, она успела позабыть...

Реа снова посмотрела в небо. Только перевалило за полдень. Тени – пока совсем короткие.

– Аррар! – окликнула её служанка Рароса. – Эй, Аррар! Старейшина требует тебя к себе. Живей!

Реа вздохнула. Чего ему надобно на сей раз?

Дом старейшины был самым большим в поселении. Рарос жил там с женой, законными детьми и их семьями, и, конечно, Ари. Это был также самый красивый дом – чисто побеленный, раскрашенный кармином. Внутри стояла крепкая деревянная мебель. Выстиранные и отглаженные скатерти и салфетки на столиках. Вазы из настоящего стекла. Декоративные статуэтки.

Реа вошла и тут же почуяла растопленный очаг – сгорающие душистые поленья и густой манящий аромат клочущей еды. Девушка принялась: рисовая похлёбка с куриными шкварками.

Рарос сидел на диванчике в главной комнате и читал, подсунув под локоть вышитую подушку. Когда Реа вошла, он отложил книгу и махнул ей на кресло рядом – мягкое, глубокое. Она подошла, неловко попыталась стряхнуть пыль с туники, прежде чем сесть, и только тут заметила поникшего Ари, притулившегося в углу и не глядевшего на неё.

– Садись, Аррар, – поторопил Рарос. – Ари рассказал мне о визите Кори. Что им было нужно от тебя?

– Ничего, так ерунда, – Реа опустила в кресло, раздумывая, а не поколотить ли ей позже Ари за его длинный язык.

– Кори прилетели в поселение Мева из-за «ничего» и «так ерунды»? Тск-тск, – цокнул он языком. – Не думаю. Это связано со случившимся на ярмарке?

– Что? Нет-нет! – Реа подалась вперёд. Если Рарос решит, что она привлекла внимание Кори, то он больше не пустит её на ярмарку. И какой от неё будет тогда прок? А коли так, она опомниться не успеет, как окажется за воротами резервации. – Ярмарка к птицам отношения не имеет. Они... обознались. Приняли меня за другую.

– За кого же они могли тебя принять?

Реа пожала плечами, и Рарос хмыкнул.

– Даже если так, ты наделала немало шума. Вся Ванора только и говорит, что о кошке, переодетой человеком.

Слухи переходили среди Мева от резервации к резервации со скоростью степного пожара. Реа похолодела.

– К счастью, – продолжал Рарос, – никто в суматохе не разобрал твоего лица.

– Значит, – с надеждой спросила она, – я смогу поехать снова?

– Пока нет. Дождёмся, когда всё уляжется. Учтывая, какой ты устроила переполох – полгода, не меньше. Ни к чему рисковать.

– Целых полгода? Я пропущу три крупные ярмарки и с десятков местных! Что мне делать до тех пор?

– Будешь сидеть тихо и не высовывать носа из резервации, – он вздохнул. – Мне давно пора было заняться твоим будущим. Жена полагает, что будет лучше, если ты выйдешь замуж.

Что?!

– Ты уже давно не ребёнок, а когда молодая женщина слишком долго предоставлена самой себе, в её голове появляются странные идеи. К примеру, – тут он глянул на неё исподлобья, – напрашиваться на неприятности, пробираясь в придорожный трактир, где не место ни приличной девушке, ни, тем более, Мева. Нет, не смотри так. Я знаю, где ты проводишь вечера.

Он потянулся к графину на полу и налил себе чашечку рисовой воды. Выпил без спешки. В доме стояла такая тишина, что было слышно часы – трепет маятника, повороты шестерёнок. Единственные часы в поселении, они висели в доме на самом видном месте.

– Короче говоря, – Старейшина отставил чашку, – мы с женой посоветовались и решили, что разумней всего, если ты выйдешь замуж за моего сына. Так я выполню обещание, данное нашей покойной старейшине Ирире. Она велела мне позаботиться о тебе, и я намерен именно так и поступить.

За сына? Законные сыновья Рароса были уже женаты. Реа понадобилось несколько мгновений, чтобы уразуметь, о каком именно сыне идёт речь.

– За Ари?! – воскликнула она. – Вы хотите, чтобы я стала женой Ари? Вы спятили?

Она едва не рассмеялась, до того абсурдной казалась сама идея, что этот наивный, нескладный ребёнок, ждущий гостинцев с ярмарки, может стать ей мужем. Она обернулась на Ари, но тот забился в угол и сидел, не поднимая головы, избегая смотреть на неё.

Рарос не находил ситуацию смешной.

– И в чём же проблема? – нахмурился он. – Ты не желаешь войти в мой дом, как член моей семьи? Жить здесь? Делить нашу пищу?

Если так поставить вопрос, она и впрямь представлялась неразумной и неблагодарной. Любая девушка – даже чистокровная Мева – тут же ухватилась бы за такую возможность, жить в этом доме, есть за этим столом. Конечно, у жены внебрачного сына было не так много прав, но уж всяко больше, чем у пригильной полукровки-сироты. Никто хотя бы не прогонит её, если она станет ненужной.

– Это огромная честь, – пробормотала она, – я не...

– Разумеется, это честь! В чём же, стало быть, дело? В Ари? Я полагал, вы дружны.

– Да, конечно, но...

– Вы дни напролёт проводите вместе.

– Да, но...

– Что, в таком случае, тебя не устраивает? Тск! Никогда не понимал тебя, Ареар!

– Он моложе меня.

– Два года? Ерунда! Он уже мужчина.

– Я не люблю его, – выпалила она, чувствуя себя глупее некуда. – То есть люблю, конечно, просто... не так, как жена должна любить мужа.

– Что за вздор? – Рарос сел прямо, подался вперёд, сверля её взглядом. – Кто вбил в твою голову эти романтические бредни? Твоя мать? Что ж, жаль, её нет теперь с нами. Уж она рассказала бы тебе о том, куда заводят подобные прихоти. Когда без малого двадцать лет назад она приползла к порогу старейшины Ириры, вот-вот готовая разродиться человеческим ублюдком, как она плакала, как умоляла не прогонять её! Как раскаивалась в своей ошибке!

Реа проглотила вставший в горле комок. Эта история была ей хорошо знакома. Мать была старухе Ирире как дочь, так говорили. Айла ходила в Экрузим, в Ри, в Адоран ещё со своим отцом, обучившим её всем тайным тропам. И хотя статус Хранителей заметно упал, в сравнении с тем, каким он был раньше, они имели какое-никакое положение в обществе Мева, так что жить бы ей припеваючи... да вот только что-то произошло. Что-то приключилось с ней в одном из её странствий и изменило её очень глубоко. Она стала чаще уходить, больше времени проводить в пустых городах. Сделалась угрюмой. А потом вовсе отправилась в очередной поход и не вернулась. Два года от неё не было ни слуху, ни духу, а после она вдруг объявилась, как гром среди ясного неба, беременная и в слезах. Никто покамест не догадывался, что у неё

ребёнок от человека, иначе её не приняли бы назад. Однако Айле достало ума скрывать это до последнего, а когда Ареар родилась, Ирира уже не могла ничего поделать.

Старейшина Рарос принял подавленное молчание Реа за смирение.

– Моё решение не обсуждается, – сказал он. – Ступай. Детали обговорить успеем.

Реа снова поглядела на Ари. Тот поднял, наконец, голову и посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то... неловкость. И обида.

– Ари, – начала она. Он мотнул головой, встал и вышел из дома.

Она побежала следом.

– Ари, стой! Да стой же, в конце концов! – она догнала его и схватила за руку, заставив поглядеть на неё. – Ну, что с тобой? Пойми, я не...

– Я знаю, – он смотрел не на неё, а куда угодно. – Я понимаю.

– Нет, не понимаешь! Ты обиделся, что я не хочу выходить за тебя замуж? Так дело тут не в тебе! Я вообще не хочу!

– Все женщины хотят семью.

– Что за чушь? Это твой отец так говорит? Брось, Ари, неужели ты не видишь, какая бессмыслица эта затея с браком?

– Я думал... думал, ты не откажешься. Думал, ты будешь рада.

– Да я ведь старше тебя, – она улыбнулась, пытаясь обернуть всё в шутку. – К чему тебе такая старуха?

Он не улыбнулся.

– Мне надо идти, – сказал он. – Увидимся позже, ладно?

Он ушёл, а Реа осталась стоять, прижимая руки ко рту, сдерживая слёзы.

Зачем Старейшине непременно надо было говорить всё в присутствии Ари? Зачем быть таким жестоким? Считал ли он, что так она верней согласится? Он знал, что она близка с его сыном, что Ари – её единственный друг во всей резервации. На всём свете. Намеренно или нет, он вбил между ними клин. Какой бы ни был исход, теперь всё неизбежно переменится.

Ужас наполнил её лёгкие ледяной водой. Несколько мгновений она стояла, захлёбываясь, и чувствуя, как холод расползается по телу.

Она попыталась представить, что сказала бы ей мать:

«Не бойся, утёнок, верь сердцу»?

Или же:

«Пора бы уже вырасти, Ареар, и научиться мыслить здраво»?

Жалела ли Айла о том, что когда-то поступила по велению сердца? По словам Рароса – да, но стоило ли ему верить? Мать запомнилась Реа гордой женщиной, той, кто не станет вспоминать прошлое с горестными вздохами и изливать сожаления в подушку по ночам. И всё же со временем, постепенно, тот образ Айлы заменял другой, навязанный Раросом – потухшей, смилившейся, кающейся.

Реа подняла голову и отняла руки от лица. Гнев на старика вскипел в ней, вмиг прогнав холод. Яростно одёрнув тунику, Реа зашагала к дому. Там, она опустилась на четвереньки и принялась шарить рукой под кроватью, выгребая своё нехитрое имущество: кусок дурно пахнущего мыла, деревянную расческу-гребешок без двух зубьев, мешочек со скопленными мелкими монетками. Сдёрнув с постели простыню, наспех соорудила из неё котомку.

Это был не первый раз, когда Реа в сердцах намеревалась уйти из дома. Однако это был первый раз, когда ей было куда идти. В воздухе уже слышался запах вечера. Кьевит сказал, что будет ждать в трактире до полуночи. Если поторопится, она ещё успеет.

Къевит

С наступлением темноты в трактире стало не протолкнуться. Табачный дым витал под потолком, такой густой, что массивные деревянные балки, поддерживавшие крышу, почти пропали из виду. Хмельной смех мешался с кислыми запахами вина и эля.

«Во имя Спящих, отчего эта девушка любит проводить время в подобном месте?»

Къевит посмотрел туда, где в углу Скьют с Иттой захватили целый стол и теперь обороняли его от покушений непрестанно прибывающей толпы посетителей. Над стойкой висели старомодные часы с колокольчиком, отмечающим каждый час. Короткий звяк терялся в гомоне, но чуткие уши Къевита умудрялись поймать его.

Очередной звук заставлял его надежду слабеть. Полночь настойчиво приближалась. Трактир будет открыт до восхода – часов до четырёх. И до тех пор они будут ждать. Не до полуночи, как он сказал Ареар. Они будут ждать, потому что у него не было другого плана.

Колокольчик на входе звякнул одновременно с колокольчиком на часах. Къевит обернулся, и облегчённо вздохнул. Ареар стояла в дверях, обводя взглядом прокуренный трактир.

На ней было длинное коричневое платье с глухим воротником и палантин из плотного льна, надёжно обёрнутый вокруг головы и плеч. Она прижимала к груди котомку, вцепившись в материал тонкими белыми пальцами, и выглядела так, будто была готова вот-вот обратиться в бегство.

Къевит поспешил к ней, на случай если она и впрямь решит удрать.

– Ареар, – сказал он, трогая её за плечо.

Она немного вздрогнула и подняла на него глаза.

– Реа, – её голос был негромким и почти потонул в окружающем шуме.

– Что?

– Ареар меня зовёт только... – она замолкла, повела плечом. – Моё имя Реа.

– Реа так Реа, – кивнул Къевит. – Сюда, мы заняли стол.

Она замешкалась на секунду, прежде чем двинуться в сторону, в которую он указал. В толпе она держалась вполне уверенно, без диковатой настороженности присущей Мева. В её походке угадывалось что-то крадущееся, по-видимому, имеющее отношение к строению лап, но она каким-то образом использовала эту разоблачающую особенность в свою пользу – держа спину прямо, чуть покачивая бёдрами, будто гипнотизируя своим гибким шагом.

Итта сидела на скамейке, подобрав под себя ноги, и недоверчиво поглядывала на Реа из-под длинной чёлки. Скьют выпил уже целую бутылку вина и послал подавальщицу за новой.

– А вот и она, – сказал он. – Да, Къев, ты был прав. Прекрасно.

– Ты, – Реа одарила Скьюта презрительным взглядом. Их знакомство началось не самым удачным образом, тут уж ничего не попишешь.

– Садись, – Къевит подождал, пока Реа устроится. У неё это заняло некоторое время. Сперва девушка опустила котомку под скамейку, затем придерживая юбку одной рукой, аккуратно села и принялась тщательно расправлять подол. Со стороны это выглядело несколько жеманно, если не знать, разумеется, что, скорее всего, подобные манипуляции были связаны с необходимостью тщательно скрывать лапы.

– Итак, – начал он, когда все расселись и приготовились слушать, – нам нужно обсудить план...

Он достал из кармана сложенную в четыре раза карту и разложил её на столе, приглаживая пальцами складки. Итта наклонилась ближе, всматриваясь. Реа тоже придвинулась.

На карте умещалось всё королевство Нируни, а также по кусочку соседствовавших с ним держав, в том числе и Триады.

– Кизи будет ждать нас здесь, – Къевит ткнул пальцем в точку с надписью Нимилин, почти слившуюся с линией, обозначающей границу. – К нашему прибытию он подготовит бумаги, транспорт и провизию.

– Почему не закупить всё в Корраке? – спросил Скъют.

– Я бы хотел преодолеть расстояние до границы за два дня. Подготовка займёт время. К тому же повозка значительно замедлит нас. На лошадях мы доскачем куда быстрее. На территорию Нируни въедем под видом тилорских купцов – спасибо Реа за эту идею, кстати говоря.

– Это не моя идея, – заметила Реа. – Это Ирира, наша прежняя старейшина, решила, что безопасней всего мне притворяться именно тилоркой. С тех пор я и притворяюсь.

Тилорцев считали безобидным народом. Блюстители строгих нравов, они предпочитали скромность в одежде, так что укутанная с ног до головы женщина не вызывала вопросов.

А ведь между тилорцами и Мева было много общего. И тех, и других потеснили с исконных земель. И те, и другие отличались спокойным нравом, не любящим конфликтов. И те, и другие издревле занимались по большей части ремеслом, мало интересуясь политикой и интригами. И несмотря на это тилорцев принимали, а Мева чурались.

Была ли причиной принадлежность последних к Благословенным? Банальная зависть? Или что-то иное, более сложное?

– В таком случае, – сказал Къевит, – благодаря мудрости вашей старейшины у нас есть отличное прикрытие. Тилорцы подойдут идеально. Их купцов без проблем пропускают в Нируни, и у нас даже есть подходящий предлог – ярмарка в Нойом-Канаре через пятнадцать дней.

– Вот только на купцов вы не похожи, – подняла бровь Реа.

– Я бы на твоём месте переживал за свои лапы и уши, – миролюбиво заметил Скъют.

– Вы не похожи на тилорцев, – настаивала она, метнув в Скъюта раздражённый взгляд. – Вы держитесь слишком прямо, ведёте себя слишком свободно. Да и внешне вы совсем другие.

– Что я говорил тебе про *лейфты*, помнишь? Нас будут видеть такими, какими мы захотим. Не волнуйся об этом.

Реа опустила глаза. Похоже, ей нелегко давалась вся эта затея. Колебания её были понятны и ожидаемы, и, тем не менее, Къевит отметил их про себя, как ещё одну потенциальную угрозу их плану.

– Короче говоря, – продолжил он, откладывая это беспокойство на потом, – мы пересечём границу здесь же, по мосту, и поедem вдоль тракта. Дальше этой дорогой на запад и на северо-запад до Нойом-Канара.

Его палец добрался до ребристых пометок, обозначающих скалистые горы Поухт Рейе. В их глубине, среди каменных лабиринтов, и прятался древний полузабытый город, место их назначения.

– Когда минуем Нойом-Канар, – сказал Скъют, – наша легенда с тилорскими купцами уже не пройдёт. Что мы скажем, если нас обнаружат так далеко от ярмарки? Что заблудились?

– Нойом-Канар стоит почти у подножия Поухт Рейе. Главное – добраться до скал. Нирунцы туда без нужды не суются. Найдём укромное место, где спрятать повозку и лошадей, и пойдём дальше налегке.

Да, не самый подробный план, пожалуй... Къевит никогда не был в Нируни, и представления о тех местах имел лишь по картам. Оставалось надеяться, что он сможет разобраться «по ходу».

– Отсюда, – сказал Къевит, обращаясь к Реа, – ты поведёшь нас по вашим тайным тропам до ворот Экрузима.

– И обратно, тоже, – заметил Скъют. – Я не хочу, чтобы она бросила нас там и дала дёру.

– Она не бросит.

– Не брошу, – сказала Реа.

– Ты когда-нибудь бывала внутри города?
– Нет, – она поколебалась. – Только у ворот.
– Мать рассказывала тебе, что там? – спросил Скъют. – В городах-храмах иногда ждут ловушки. Хотелось бы знать заранее, чего ждать.

Реа пожала плечами.

– Понятия не имею. По мне так это – горстка камней, ничего больше.

Скъют с Иттой переглянулись. Они вспомнили другой город, который тоже некогда считался горсткой камней.

– Что? – спросила Реа, заметив.

– Ничего, – отрезал Къевит. – Там нет и не может быть ничего такого, что нам не под силу. Вопросы?

– Есть вопрос, – сказала Реа. – Вы намерены проехать по земле весь путь? Может быть, безопаснее было бы полететь туда? Раз у вас есть крылья и всё такое.

– Да, – пробормотал Скъют. – Летящая в небе группа Кори, конечно, ничьё внимание не привлечёт.

– Даже если бы мы могли полететь, – мрачно подтвердил Къевит, – на всей территории Нируни натянуты ветряные сети. Если в них попадёшься... одно скажу, неприятная штука.

Реа кисло кивнула.

«Крылья решают далеко не все проблемы, – подумал Къевит, – что бы там ни воображали те, кто их лишён».

– Так или иначе, – закончил он, – ты-то всё равно лететь не можешь. Так что на время этого похода мы все останемся надёжно прикованными к земле.

– Когда отправляемся? – спросил Скъют.

– Через три дня.

– Три дня?! – вскричала Реа. – Я думала, немедленно!

– Нам нужно уладить кое-какие дела в столице перед отправкой.

– А мне что делать до тех пор? Я не могу вернуться в резервацию...

– Ты поедешь с нами.

– В Коррак? – ахнула она.

– Нет, в Коррак-лайн. Это, – объяснил он, видя её замешательство, – город у подножия Коррака. «Младший брат», так мы его зовём.

– А... сам Коррак я не увижу?

– Только снаружи. Боюсь, лишь Кори имеют доступ в столицу, но из Лайана открывается прекрасный вид на пики Коррака.

– О, понятно, – она опустила голову.

Къевит вздохнул про себя при виде её разочарования.

– Коррак-лайн – очаровательное место. У меня там есть дом. Поживёшь в нём пару дней. Итта проведёт тебя по магазинам. Купи всё, что нужно для дороги, может быть, новую варку и что-нибудь на голову... ну, не мне тебя учить.

Они обсудили прочие детали путешествия, и, наконец, поднялись из-за стола и прошли по изрядно опустевшему трактиру к выходу. За стенами гулял ветер, приносящий аромат скорого утра. На восточном горизонте капля за каплей собирался свет, готовясь хлынуть на равнину и смыть с неё ночь.

Къевит остановил Реа в дверях.

– Мы со Скъю полетим вперёд. Вам с Иттой придётся взять экипаж на станции. Она проведёт тебя через ворота. Если стражники начнут задавать вопросы, просто назовёшь моё имя.

– Хорошо.

Вид у Реа до сих пор был слегка ошарашенный. Глаза блестели в полумраке, как луна на тёмной воде.

– Насчёт Экрузима, – сказала она вдруг. – Ты действительно думаешь, там могут быть ловушки?

– Мы с ними справимся. Меня больше волнует переход по территории Нируни, чем паратройка древних фокусов.

– И всё-таки... – она потупилась, подбирая слова, а потом подняла глаза к его лицу. – Мне кажется, там что-то есть. Когда я подходила к воротам... за ними кто-то был.

– Кто-то живой? – уточнил Кьевит.

– Да! Я как будто чувствовала его.

– Может быть, какое-нибудь дикое животное пробралось туда и устроило себе логово?

Она помотала головой.

– Нет, нет! Не животное! Нечто... – она попыталась найти нужное слово, – разумное. Древнее. *Опасное*.

– А что твоя мать рассказывала о городе? О том, что там внутри? – спросил Кьевит.

– Ничего. Или я забыла. Я была совсем ребёнком. Да, и вообще мало думала об Экрузуме с тех пор. А теперь, когда вспоминаю наши походы, у меня появляется... эдакое странное чувство.

Сомнение. Вот что явственно читалось сейчас в её взгляде. Кьевит взял её за руку.

– Реа, – сказал он серьёзно, – я бывал в древних городах. Они производят гнетущее впечатление. Пустые, заброшенные – да они на кого угодно нагонят жути, а на ребёнка – и подавно. Думай о хорошем. О том, что будет, когда мы вернёмся, и ты получишь *лейфт*, и сможешь жить так, как мечтала.

Реа понурилась и кивнула. Сомнения не прошли окончательно, да и не пройдут. Нужно поручить Итте, чтобы не спускала с неё глаз, решил он. Хотя бы до тех пор, пока они не окажутся в Нируни. Там бежать будет поздно. Реа не глупа – знает, что без помощи Кори далеко по враждебным нирунийским землям ей не уйти, так что опасения Скъюта были напрасны. В ловушку она их не заведёт. Не умышленно, по крайней мере.

Итта

В отношении Коррака у Итты всегда была весьма двойственные чувства. Она и гордилась им, и презирала. Да и как его не презирать? Его улицы, увешанные гирляндами из призрачных огней. Его бесконечные лестницы, переходы, мосты. Его лишённых крыльев жителей, вынужденных карабкаться там, где нет лифтов, вниз-вверх, вниз-вверх, как муравьи. На площадках между лестницами они останавливались передохнуть, небрежно опершись на балюстраду, будто бы наслаждаясь видом, не показывая, что совершенно выбились из сил. Кори – выше физической усталости. Одышка, струящийся со лба пот – это для людей. Так, по крайней мере, должно было казаться со стороны.

Их обман пока удавался – благодаря магии и *лейфтам*, и никто пока не догадывался о страшной истине, которую скрывал величественный фасад.

Коррак считался чудом. Его парящими пиками восхищались, его прославляли в песнях, его жителям приписывали сверхъестественные силы. И отчасти всё это имело под собой основание. Кори были сильной расой – единственной из Благословлённых народов, кому удалось сохранить своё положение, в то время как Орана вымерли, Киндиры обмельчали, а Мева до того ослабли, что стали позором.

Итта приземлилась у двойных дверей фамильного особняка на вершине седьмого пика. Окна были темны, лишь в башне деда горел слабый свет. Похоже, бывший Паладин Коррака снова засиделся за чтением. Туда она не пойдёт.

Она сорвала один из призрачных огоньков, что гроздьями свисали с дерева у порога, и, освещая им путь, обошла дом сбоку. Едва заметная в высокой траве дорожка привела её в тихую часть сада, где из фонтана била прохладная струя ароматной цветочной воды. Журча, она сбегала по камням в небольшой пруд, заросший лилиями. В детстве это было её любимое место, если не считать Снов Богов.

Сев на камень, она обняла руками колени. Новая миссия... Спящие! А ведь она зареклась возвращаться в потерянные города, больно уж неприятным был предыдущий раз. Почему же не отказалась? Потому что память имеет склонность сглаживать прошлое – она шлифует острые углы, затупляет лезвия, меняет всё по своему усмотрению. Страшное и опасное по прошествии долгого времени начинает представляться захватывающим приключением. А Итта с ума сходила от скуки.

Другая причина была в Кьева. Она нужна ему. Маленькая, юркая, быстрая. Пока Скъют только сообразит, что от него требуется, Итта уже будет в воздухе. В этой миссии, как никогда, нельзя его подводить.

Взгляд Итты привлёк огонёк, мерцающий среди туч. Она взгляделась. Это ещё что? Луна вышла из облачного убежища, и в её свете Итта разобрала круглый шар, в диаметре всего в два раза превышавший размах её крыльев. Сон Богов? Итта озадаченно склонила голову набок. Они редко плавали сами по себе, всё чаще собираясь в плотные хороводы вокруг вершин императорской башни – самого высокого пика Коррака. Этот шар вёл себя... как-то не так. Он отделился от прочих и теперь танцевал среди башен фамильного особняка её семьи, как будто не замечая, что остался в одиночестве.

Итта оттолкнулась от земли, взвилась в воздух, навстречу Сну. Прежде ей никогда не составляло особенных трудов поймать их. Они не сопротивлялись, пуская её почти с радостью, будто бы ждали, когда же найдётся кто-то, кому будет интересно разведать их секреты.

Она лениво взмахнула крыльями, поравнялась с шаром и уже хотела, было, влететь в него, как вдруг он проворно вильнул в сторону, закружился в невидимом потоке, и скрылся за одним из острых шпилей.

Глаза Итты широко раскрылись. Грудь яростно вздымалась. Она не привыкла, чтобы Сны играли с ней, и это одинаково разозлило её и раззадорило. Она бросилась в погоню.

Башенки на высоких крышах вздымались, будто стволы деревьев в старом лесу. Между ними – коварные ловушки нитей, на которые были нанизаны огоньки-фонарики. Запутаться в них – проще-простого, так что приходилось быть внимательной. Сон продолжал убежать. Он ловко прыгал от крыши к крыше, грациозно и обманчиво неторопливо. Не будь Итта так занята погоней, то заметила бы, как сильно она напоминает котёнка, преследующего шарик на верёвочке, не видя руку, что за неё дёргала.

Вот-вот она догонит его – а, нет! Вновь добыча умудрилась ускользнуть! Итта врезалась в острую крышу, разбив стеклянную черепицу и послав звенящие осколки в темноту внизу. Шар замедлил движение, словно заметил, что его преследовательница отстала. Оттолкнувшись от крыши, Итта устремилась к нему, быстрая как молния. И на сей раз у неё всё вышло – она почувствовала, как проходит сквозь прозрачную кожу Сна. На миг её будто бы обдало прохладным ливнем – и вот, она внутри.

Инерция потащила её вперёд по внезапно открывшейся комнате и швырнула на дубовый книжный шкаф, обитый железом. Удар пришёлся как раз по лицу, и, упав на спину, Итта схватилась за ушибленную челюсть.

Ей потребовалось, наверное, не меньше минуты, прежде чем она смогла открыть глаза и оглядеться. Сон оказался крошечным: он не мог вместить даже комнату целиком – вся дальняя стена расплывалась, теряясь в полупрозрачном мареве, отмечавшем его границы.

Чёткой была лишь половина, на которой умещались несколько деревянных стеллажей, письменный стол с обитым бархатом креслом и витражное окно в два человеческих роста.

«Библиотека», – догадалась Итта. Как в доме деда. Книги – толстые фолианты в одинаковых кожаных переплётках – стояли на полках плотными рядами. Каждая такая книга стояла целое состояние, и будь на её месте дед, он точно оценил бы их по достоинству. Итте, само собой, было плевать на книги.

Разочарованная она прошлась по комнате, стараясь не приближаться к размытым границам (она давным-давно на собственном опыте убедилась в том, как легко по неосторожности выпасть из Сна, особенно если он такой маленький). И ради этого она гналась за ним? Ради скучной библиотеки? Она проверила ящики стола – пусты. Подошла к окну и выглянула наружу. Ничего – только непроницаемый занавес, сотканный из ярчайших лучей утреннего солнца.

Итта досадливо потёрла ушибленный подбородок. Ей не хотелось покидать Сон так скоро, особенно после усилий, которых ей стоило до него добраться.

Рассеянно она вытащила одну книгу, пролистав, не присматриваясь – тексты её ничуть не интересовали – и уже хотела было, захлопнуть... Итта замерла, глядя на страницу. Осторожно перелистнула на следующую. И ещё, и ещё. Книга выпала у неё из рук на ковёр. Итта схватила другую и тоже принялась листать...

Она пролиставала пять книг, выдёргивая их то с одной полки, то с другой – и все оказались одинаковыми. Лишь одно слово, написанное багровыми чернилами и повторяющееся снова и снова, строка за строкой, страница за страницей. *Серлиссия. Серлиссия. Серлиссия...*

То же самое слово, что она видела на кулоне из Сна с летающим кораблём...

Что это?

Имя?

Или заклинание?

Никогда прежде Итта не задумывалась над тем, чем являлись Сны богов. Они казались просто потехой, так, развлечением. Никогда прежде ей не приходило в голову искать в них тайный смысл. Никогда, до этого момента.

Реа

Реа проснулась в постели, которая ей явно не принадлежала. Не открывая глаз, она перевернулась на бок, впитывая незнакомое ощущение прохладного шёлка, мягкой перины, подушек, набитых... летними облаками, не иначе. И как богачи вообще могут заставить себя подняться с кровати? Вот почему они спят до полудня...

Реа приоткрыла один глаз, совсем чуть-чуть, чтобы не отогнать далеко сон. Шторы на окнах были опущены до пола. Яркое утреннее солнце просвечивало сквозь ткань и отбрасывало на ковёр задумчивый прозрачный узор.

На стене тикали часы – механические, как в доме старейшины, хотя гораздо более сложные – в оправе из золота и серебра, с покрытыми эмалью фигурками птичек, с маятником в форме резного листочка.

События прошлого дня возвращались и выстраивались перед Реа в связную цепочку. Она находилась в доме Къевита, в Коррак-лайане. Они с Иттой приехали сюда в экипаже, в то время как мужчины отправились в Коррак, позаботиться до отъезда о каких-то важных птичьих делах.

Шея и спина Реа заныли, стоило лишь вспомнить о проделанном путешествии. Прежде ей не доводилось ездить в экипаже. Залезть в него – уже само по себе приключение: нервно оглянувшись по сторонам, она дождалась момента, когда никто не смотрел, и юркнула в тёмную глубь обитого дешёвой рогожкой салона, на ходу одёргивая подол и надеясь, что никто не успел заметить её лап.

Итта смотрела на неё со смесью иронии, недовольства и любопытства.

«Отличные обещают быть три дня», – кисло подумала Реа, отнюдь не радуясь перспективе провести их в обществе немой девочки, которая совсем недавно едва не скормила её пантере. Если все её развлечения – такого рода, то Реа повезёт добраться до Экрузима невредимой.

И всё-таки, стоило экипажу тронуться, она напрочь позабыла о девочке, до того её захватил вид за окном. Она никогда не была на севере. Рарос не подпускал её слишком близко к землям Кори, полагая, что тем хватит одного взгляда, чтобы распознать в ней самозванку. Да что там Рарос! Даже мать предпочитала тропы, лежавшие подальше от их земель. Мева вечно приписывали людям-птицам сверхъестественные способности.

Степь за окном понемногу меняла цвет, превращаясь из буро-желтой в изумрудно-зеленую. Сперва, чуть-чуть, будто зелёная струйка акварели просочилась в коричневую палитру, а дальше – всё больше и больше, пока грязный коричневый цвет не сузился до выющейся ленты под грохочущими колёсами.

Целый день в дороге, под пылающим солнцем, в экипаже, полном людей. Реа боялась задремать, боялась нечаянно неуклюже пошевелиться и выдать себя, боялась, что кто-нибудь ненароком толкнёт её и заметит... Великие предки! Дорога оказалась тем ещё испытанием.

Реа упорно гнала мысли. Иначе как бы ей не захотелось выпрыгнуть из экипажа на ходу, да не побежать назад, в удушающую безопасность родной резервации. Сомнения – не хуже, чем страх, могут поглотить тебя целиком, если не поймать вовремя льдинку-бусинку в кулак.

Однако отогнать их далеко не выходило: они возвращались, заплутавшие в лабиринтах её беспокойных мыслей. Что она наделала? Сбежала из дома! Конечно, Рарос, вознамерившись женить на ней Ари, не оставил ей выбора. Он не отстал бы от неё – коли вбил себе что-то в голову, то считай, ничем его уж не переубедишь.

А сам Ари... разве она хоть раз давала ему повод думать, будто между ними могло быть что-то? Или это всё её глупость? Её неспособность видеть мир таким, каким он является на самом деле? Романические бредни?

И куда завело её теперь это упрямство, в какую необычную компанию!

Она украдкой покосилась на Итту. Той не нужно было опасаться выдать себя, так что она спала, бесцеремонно развалившись и заняв разом два места. Она казалась не больно умной, однако Реа знала, что нельзя так недооценивать окружающих. И уж точно нельзя поворачиваться к Итте спиной. Со Скъютом тоже надо держать ухо востро.

А что Къевит? Можно ли верить ему? Она вспомнила, как увидела его первый раз, в трактире, за соседним столом. В тот миг, замороженный и сохранённый в памяти, они были просто парой незнакомцев, чьи взгляды встретились среди толпы. Ей хотелось, чтобы так всё и осталось – а потому она решила сберечь для себя эту сценку, глубоко в сердце. Мать научила её этому. Неважно, что было до и после. Значения имеют только мгновения, вырванные из времени. И Реа нравились те несколько мгновений между ней и Къевитом – пока она была девушкой в трактире, а он – симпатичным мужчиной, заглядевшимся на неё.

Коррак показался спустя много часов непрерывной тряски, когда уже опустилась глубокая ночь. Реа не сразу поняла, что именно перед ней, и даже решила, поначалу, что это отблеск заката, задержавшийся на небе – светлая полоса, как далёкий молочно-белый водопад, играющий светом звёзд и льющийся на землю прямо с небес. Следом она увидела второй и третий, и поняла, что это не водопады, а башни. И не просто башни, а те самые – легендарные пики Коррака.

Рео подалась вперёд, прильнув к стеклу. Остальные пассажиры посмотрели недоуменно. Они не видели. Их человеческое зрение не могло сравниться со зрением Мева.

Пики водили хоровод в воздухе, вокруг макушки высокой горы. Их форма напоминала сосульки – ровненькие и гладкие, что по зиме выростали на карнизах домов – только кончики были устремлены не вниз, а вверх, протыкая нависшие над ними тяжёлые облака.

Чем ближе подъезжал экипаж, тем больше различалось подробностей – опоясывающие пики террасы, мосты и крытые переходы.

У подножия горы что-то пылало, как степной пожар – ещё один город, разросшийся прямо под Корраком. Тот самый Коррак-лайан. И впрямь, ни дать ни взять младший брат – ищущий поддержки, восхищённый. К нему экипаж и направлялся.

Если судить по обилию огней, что освещали улицы Коррак-лайана, город превышал размерами Ванору в пять, а то и в шесть раз. Сам Коррак был гораздо меньше – как гнездо неведомой птицы. Насколько Реа могла судить с такого расстояния, его улицы освещали не факелы и не масляные фонари, а что-то иное, сияние, схожее по виду со звёздным, как если бы чья-то рука собрала небесные светила и, нанизав на серебряные нитки, развесила на улицах, на домах, на деревьях.

Итта проснулась и безразлично посмотрела туда, где сверкал Коррак. Каково это, интересно, жить там? Звать Коррак домом? Каково это – быть птицей?

Экипаж въехал в ворота Коррак-лайана и остановился. Пассажиры вышли, разминая ноги и плечи, затёкшие, после многочасовой неподвижности. Реа обнаружила, что выбраться из экипажа – несравненно легче, чем в него залезть. Стражники стали обходить пассажиров, проверяя бумаги. Не дожидаясь очереди, Итта сунула им под нос какой-то свиток, и их пропустили без дальнейших расспросов.

Коррак-лайан предстал перед Реа уютным клубком тесных улочек, переплетённых, как попало, запруженных паланкинами. Реа поглядела вверх, на пики, и тут же пожалела об этом. Отсюда, снизу, они казались головокружительно высокими. Того и гляди упадут и придавят Лайан! Реа рядом с ними – муравей. Меньше, чем муравей даже! Ей не нравилось это чувство незначительности. И в то же время нравилось. Нечто подобное, двойственное, она испытывала в детстве, когда мать приводила её в Экрузим.

Лайан и Коррак соединяли как бусы светящиеся в темноте канаты, и по ним понимались и опускались лифты – точь-в-точь нанизанные на цепь драгоценные камни. От этой роскоши голова шла кругом.

Пока Реа озиралась, Игта успела подзвать извозчика. Повозка в считанные минуты домчала их лабиринтом неразличимых улиц до дома, который, видимо, и принадлежал Кьевиту. Там Кори высадила свою попутчицу, а сама отправилась дальше, предоставив Реа в одиночестве пересекать двор и стучать в дверь и ждать ответа.

Открыла служанка, молодая и флегматичная. Не дожидаясь объяснений, затащила Реа в дом:

– Господин Кьевит предупредил меня. Ну, входи же, входи!

Она отвела Реа в приготовленную комнату и принесла чистой воды для умывания и немного тёплого вина и белого хлеба с маслом. Уставшая с дороги девушка поспешно умылась, перекусила и уснула глубоким сном, едва её голова коснулась подушки.

А теперь, наутро, ей не хотелось вставать с постели. Когда ещё ей представится возможность так выспаться? Однако любопытство пересилило лень. Вчера, в темноте, после изнурительной дороги, у неё не получилось осмотреться. Никому в её резервации никогда не доводилось бывать в коринском доме. Мева могли только воображать, как живут люди-птицы. А это был не просто коринский дом, это был дом Кьевита!

Реа оделась и осторожно выглянула в коридор за гостевой комнатой. Потянула носом, принюхиваясь к непривычным запахам.

По дороге Реа представляла себе простой дом, чем-то похожий на дом Рароса: чистый, хорошо обставленный, функциональный. Кьевит не производил впечатления того, кто любил кричащую роскошь. Его одежда была скромной даже для обычного человека, а для Кори – и подавно. Он не носил ни перьев, ни колец, ни меча, как делали многие высокопоставленные мужчины. Его улыбка была открытой и лёгкой, как первый солнечный луч поутру. Но вопреки всем её ожиданиям, дом оказался ошеломительно роскошным. Убранство его слепило глаза.

Она прошла по узкому коридору, мимо открытых двойных дверей гостиной, до лестничного пролёта, откуда две винтовые лестницы вели вниз и вверх. Пальцы погладили полированные перила – как перламутровая поверхность жемчужины. Если бы лапы Реа не ступали бесшумно, мягкий ковёр на полу всё равно проглотил бы звуки её шагов – ничего общего со старыми жёсткими коврами в доме Рароса, ворс которых утоптался настолько, что ничто уже не могло его распушить.

Всюду в вазах стояли живые цветы – не простенькие степные, а настоящие розы и лилии, с крупными, идеально ровными лепестками. Гостиная сияла атласом и бархатом, столовая – хрусталём и серебром. Люстры спускались с раскрашенных потолков. А зеркала! Какие чистые! Те, что в резервации, имели болотистый оттенок, глядеться в них – всё равно, что в мутноватую глубь застоявшегося пруда, а здесь... Реа не удержалась, чтобы не приблизиться к одному из зеркал в объятиях золотой рамы, и не взглядеться в своё лицо – каждая линия, каждая ресничка чёткая. На пару мгновений Реа была совершенно захвачена собственным отражением, будто знакомясь с собой впервые.

А картины! Сколько здесь было картин! Реа насчитала не менее полусотни. Их сюжеты – необычные и разнообразные. Тёмные замки, вырастающие из одиноко торчащих посреди моря скал. Руины, парящие в воздухе. Гротескные статуи женщин с множеством голов и рук. Все они, несомненно, были нарисованы одним и тем же художником. Чей разум породил эти чарующие и вместе с тем пугающие образы?

Единственная отличавшаяся картина висела в прихожей, на почётном месте, прямо напротив входа – портрет, нарисованный в куда более традиционной манере и изображавший женщину-Кори. Она сидела на скале, в задумчивой, томной позе, созерцая пейзаж, простёршийся внизу, прикрытый тенью и совершенно неразличимый. За спиной у неё раскрылись крылья – серебристо-серые у основания, хрустально-прозрачные на концах. Её лицо было очаровательным и гордым, и разве что самую малость снисходительным. По коринской моде, она

была одета в длинную вышитую бисером блузку с широкими рукавами, свободные штаны и мягкие кожаные туфли, а в волосы были вплетены перья.

Интересно, кто она такая?

К тому времени, когда Реа добралась до кухни, часы пробили одиннадцать. Удлиненный очаг занимал центральную часть просторной комнаты, деля её надвое. Три котелка висели над огнём, и в каждом что-то клокотало, дымилось, урчало. По обе стороны от очага стояли длинные скамейки.

Нори, служанка, что встретила её вчера, возилась у стола, у дальней стены. Резала на деревянной доске овощи. Заметив гостью, она без лишних слов достала миску, зачерпнула поварёшкой из одного котла, из другого, и сунула еду в руки Реа.

– Садись туда, – она ткнула поварёшкой в сторону одной из скамеек, и вернулась к прерванному занятию. – Спишь ты долго, прям как Кори.

Реа села, аккуратно поправив длинный подол. Она не была уверена, рассказал ли Къевит прислуге о том, кто она такая, и боялась, как бы девушка не убежала прочь с криками, увидев её лапы.

– Вчера выдался трудный день, – объяснила она, набивая рот разваренной смесью из овощей и тушёного мяса, вдыхая горячий запах базилика. Простая крестьянская еда. Хорошо, что простая. Она боялась, что ей подадут что-нибудь вроде цветочного мёда или апельсинового джема на прозрачных вафлях. В детстве она полагала, что именно так питаются в богатых домах.

– Я уж собралась идти тебя будить, – сказала служанка, не глядя на неё. – Госпожа Итта прислала записку, сообщила, что прибудет в полдень. Хотя точной её не назовёшь, лучше тебе не заставлять её ждать.

Реа хмыкнула.

– Итта немного чудная, – заметила она, полувопросительно, зная, что прислуга всегда не прочь перемыть господам косточки.

Нори неловко повела плечами.

– Нет, ничуть.

Ничуть? Реа взглянула на её напрягшуюся спину.

– Слушай, – сказала служанка, после паузы, отложив нож и поворачиваясь к гостье, – Мы не обсуждаем благословенную расу. Лучше запомни, на будущее.

Реа не нашлась, что сказать. Она не знала, что удивило её больше – этот почти суеверный страх перед Кори, или то, что их называли «благословенной расой». Как будто они были единственным народом, получившим дар богов! Мева тоже относились к «благословенным», разве нет?

Старейшина Ирира рассказывала ей эту историю, когда Реа была маленькой девочкой. Она произошла в те стародавние времена, когда боги не спали, а вмешивались в дела смертных, дарили им своё благословение или, напротив, обрушивали на их головы несчастья. Экрузима, что теперь стоит заброшенными развалинами среди гор Поухт-Рейе, тогда ещё не было – он появился много позже.

В те далёкие времена жили на земле пятеро единокровных братьев и сестёр. Их имена были Орана, Киндир, Серише, Корин и Мева.

Рано осиротев, братья и сёстры привыкли заботиться друг о друге. Киндир был самым сильным бойцом. Голыми руками он мог побороть медведя. Орана плавала, как рыба. Корин обладал острым зрением. Мева был быстрым бегуном.

Однажды на королевство напало страшное чудовище – Великое Зло. Оно объявило войну Спящим и тем, кто их почитал. Киндир, Орана, Корин и Мева бросили чудовищу вызов, и за их отвагу боги наградили их дарами – Киндир получил ядовитое жало и жёсткую, как броня, кожу,

Орана – жабры, чтобы дышать под водой, Корин – крылья, а Мева – львиные лапы и чуткие уши. Так появились благословенные расы.

Но Мева никто не зовёт благословенными...

Размышления Реа прервал резкий хлопок входной двери.

– Это юная госпожа! – воскликнула служанка. – Раньше пришла, не иначе! Поторопись, давай же, давай! Она не любит ждать.

Рео послушно проглотила остатки овощей – еда тяжёлым комком улеглась в желудке – поднялась, и поспешила в холл, где нетерпеливо ждала Итта.

Итта

Сон с библиотекой не желал покидать мысли Итты. Странное слово (Имя? Название?) не давало ей покоя. Серлиссия. Что это значило?

Утром, едва рассвело, она полетела в корракскую библиотеку и переполошила сонных писцов. Итта никогда не была в библиотеке Коррака, хотя много о ней слышала от Кьева и Скьюта, и, конечно, от деда.

Открытую галерею, поднимающуюся спиралью к самому потолку, занимали ряды полок с книгами, свитками и картами. Птицы презирали углы и узкие коридоры. Они также презирали лестницы, так что обделённым крыльями Кори приходилось идти пешком через всю галерею, чтобы добраться до верхних стеллажей.

– Я могу помочь? – спросил писец, сидевший за столом на возвышении, прямо напротив входа. Он с беспокойством оглядел Итту с головы до ног.

Она могла бы сделать некоторое усилие – надеть шёлковую рубашку, причесать и собрать волосы заколками из слоновой кости – но не стала. Она была дочерью знатного рода, и, следовательно, могла позволить себе выглядеть так, как ей хочется. Если это доставляет кому-то неудобства... тем лучше.

Ступая босыми ногами по ковру, она подошла к столу, потянулась за пером и стопкой бумаги, и вывела поперёк листа: «Серлиссия».

Если внешне Итта была похожа на оборванку, то ровные, аккуратные буквы, выходявшие из-под её пера, сразу выдавали в ней знатную леди. Дед сделал не самый большой вклад в воспитание немой девочки, но писать, по крайней мере, он её научил, да так хорошо, что даже если бы она постаралась, и то не смогла бы испортить почерк.

Тревога на лице писца сменилась замешательством.

– Вы ищете... книгу с таким названием?

Итта пожала плечами, подумала пару мгновений, затем взяла новый лист и написала на нём: «Что это такое?»

– Что такое... ээ, – он поглядел на надпись, – «Серлиссия»? Я не имею понятия. Сейчас, позвольте мне... Вьюн!

Он жестом поманил юношу, разбиравшего неподалёку свитки, и показал ему лист. Вьюн покачал головой.

– Понятия не имею, что это. Могу поискать, но на это уйдёт некоторое время. Если леди подождёт...

Итта быстро закивала. Конечно, подождёт... и тогда вспомнила. Та Мева, которую ей поручил Кьев! Она же должна была присмотреть за ней!

Итта мысленно выругалась и снова потянулась за бумагой.

«Я вернусь, – написала она, – после обеда».

Оставалось быстро разобраться с Мевой.

Итта провела её по рынку, как велел Кьев. Девушка только и делала, что испытывала её терпение. То засмотрится на палантин, то на шляпку. Зазеваешься на миг, а она уже где-то в другом ряду, примеряет колечко или браслет. Ну, как можно быть такой... фифой?!

Итте едва ли не силком приходилось тащить её мимо пёстрых прилавков.

Ареар выбрала пару вышитых платьев и шарф им под стать. Итта просто взяла бы первое, что попало под руку. Ареар же долго прикладывала к платью то один платок, то другой, разглядывая узоры так, будто пыталась прочесть в них тайный смысл.

– Как считаешь, какой?.. – начала она, повернувшись к девочке, но тут же спохватилась, вспомнив, кто перед ней: – Ладно, не важно.

Также долго они проторчали у галантерейщика. Там Ареар приобрела крепкую дорожную сумку, походный швейный набор, пудру, бинты и ещё какую-то мелочь, разглядывать которую у Итты не было ни малейшего желания. Она следила за медленно плывущим по небу солнцем и гадала, сумел ли Вьюн что-то найти.

В конце концов с покупками было покончено, и, оставив Мева на пороге дома Кьева, Итта стремглав полетела в библиотеку.

– Ничего, – сказал Вьюн, – простите, госпожа. Ни в одном указателе нет упоминания о Серлиссии.

Разочарованию Итты не было предела.

Будь у неё язык, она крикнула бы в лицо извиняющегося писца:

– Ну и какой толк вообще от вашей библиотеки?!

У неё не было языка, поэтому ей пришлось просто развернуться и уйти ни с чем.

Реа

– Ты готова? – спросил Кьевит.

Реа была готова давным-давно. Сборы в дорогу не заняли много времени. Даже жаль. Она была бы рада предложению задержаться в Коррак-лайане хоть чуть-чуть, хоть на день... да хоть бы и на часик-другой!

Смешно было вспомнить её разочарование, когда Кьевит сообщил ей, что она не побывает в самом Корраке. Она решила, что «младший брат» столицы был чем-то вроде Ваноры – шумным, деловым городком, греющимся в лучах блистательного соседа. Как же далеко это было от истины!

Город оказался неожиданным чудом. Блеск Коррака не грел его, а скорее затмевал своей фантастической роскошью, но и Коррак-лайан никак нельзя было назвать простеньким. Он пестрел и благоухал. На незнакомых кустарниках, в тени широких листьев, распускались многокрасочные цветочки, ронявшие на землю капельки сладкого нектара. Пчёлы жужжали, занятые своим делом и безразличные к шумным толпам.

Рынок весьма отличался от того, к чему привыкла Реа. Торговцы расположились вдоль широкой улицы. Лотки и лавки чинно выстроились ровными рядами, будто линейкой отмеренными рядами. Это вам не беспорядочная ванорская площадь. Вывески из лакированного дерева благопристойно приглашали выпить горячего шоколада или перекусить ароматной булочкой, примерить шляпку, скроенную по последней моде или купить букетик для дамы. Витрины в два человеческих роста с чисто вымытыми стёклами. Фасады магазинов – нарядные, но в то же время не настолько, чтобы показаться вычурными.

У Реа глаза разбегались от изобилия тканей и украшений. Торговка в парфюмерной лавке, нахваливая свой товар, брызнула немного духов на внутреннюю сторону её локтя, и запах до сих пор держался на коже, лёгкий, как прикосновение весеннего ветерка, несущий нотки сирени и колокольчика и дикой фиалки.

По части моды Коррак-лайан не сильно отличался от той же Ваноры. Мужчины носили штаны, сшитые из плотной ткани и дублеты из жёсткой кожи с длинной вертикальной прорезью на спине, оставленной для крыльев – просто дань моде, и большинство тех, кто следовал ей, даже не были Кори.

В женской одежде преобладал лёгкий струящийся шёлк, иногда бархат. Длинные туники были здесь заметно популярнее, чем в Ваноре, и с куда более видимыми разрезами, открывавшими всю верхнюю часть спины, и свободные штаны почти, что вытеснили с улиц платья и длинные юбки.

Туфли, сшитые из атласа и украшенные вышивкой и самоцветами, бесшумно ступали по выложенным полированным камнем мостовым. Реа не могла на них налюбоваться. Отчего обувь так её манила? Оттого ли, что то, чем мы не можем обладать, всегда кажется нам наиболее привлекательным?

Кьевит явился за ней, как и обещал, в условленный срок, на рассвете. Реа ждала его в гостинной, уже одетая в новое платье. Варка лежала, аккуратно сложенная, в сумке. Она надеет её на подъезде к Нимилину, где возьмёт на себя роль тилорки, а пока ограничится лишь шарфом, чтобы спрятать уши и не смущать никого по дороге до границы Нируни.

Шарф дождался, уже отглаженный служанкой Нори, на спинке кресла. Кьевит взял его в руки и пригляделся к рисунку.

– Красивый, – сказал он.

– Не просто красивый, – она подошла ближе и пробежалась пальцами по ткани в его руках, прослеживая нарисованный на ней тонкий витиеватый стебель с робкими листочками и первыми бутонами. – Одежда у тилорцев – это не то же самое, что у Кори или у Мева. Они

скромный народ, но кое-чем гордятся ничуть не меньше, чем Кори – башнями Коррака. Своими легендами. Их истории вплетены в их культуру, в их жизнь, так, что порой трудно отделить одно от другого. Каждый узор рассказывает о чём-то своём. Если не уметь читать их, можно попасть впросак. Притвориться тилорцем не так легко, как может показаться.

– И какую историю рассказывает этот узор?

– Он о любви. О надежде. Это, – она чуть покраснела и прокляла про себя свои слишком светлую кожу, так явно выдававшую малейшее смущение, – платок молодой жены. Она ещё не обвыклась в своей роли, влюблена в мужа и полна невинных чаяний. Думаю, мне стоит изображать молодую жену – в мои годы такая роль подходит мне как нельзя лучше.

– Да, так и впрямь будет лучше. Нельзя чтобы наша группа привлекала внимание. Итак, ты – моя новоиспечённая жена, Скьют – мой брат, Итта – его дочь, и все мы едем на ярмарку. По-моему, всё логично и не должно вызвать подозрений.

– Сколько лет Итте?

– Тринадцать.

– Так мало! Разумно ли брать ребёнка в опасную экспедицию?

– Итта может за себя постоять.

– А её мать не возражает?

– Её мать умерла, много лет назад. Я никогда её не видел, даже не знаю, кем она была.

Реа удивлённо посмотрела на него. Видимо, Скьют не был близок с семьёй.

– Послушай, – сказал Кьевит, – это личная история, так что я не хотел бы...

– Нет-нет! Пожалуйста, не извиняйся, я понимаю. Я зря спросила, это не моё дело.

Реа поискала другую, более нейтральную тему.

– В твоём доме так много великолепных картин, – сказала она. – Кто их все нарисовал?

– Хм? – взгляд Кьевита рассеяно скользнул по фантастическому пейзажу с пурпурной травой и деревьями, одетыми в синюю листву. – О, это всё картины Лиит, моей жены.

– Жены?

Этого Реа почему-то не ожидала услышать.

– Ты, наверное, видела её портрет в холле? Это она и есть.

Портрет женщины в холле. Конечно.

– Она... очень талантлива. Потрясающее изображение!

– Что правда, то правда. Она говорит, что берёт сюжеты в своих снах.

– А где же она сама?

– В Корраке. Ей не нравится Лайан, так что в этом доме она – редкий гость. Как, впрочем, и я. Бедняжка Нори вынуждена жить здесь в одиночестве.

– Мне так лучше, господин Кьев, – отозвалась служанка. – Никто под ногами не путается. Кьевит рассмеялся.

– Ну, что ж. Лиит будет рада это услышать, – он повернулся к Реа и вернул ей платок. – Раз ты готова, можем отправляться, пожалуй.

– Да, сейчас, – она поспешила отвести глаза, чтобы те не выдали овладевших ею чувств.

С чего она, собственно, решила, что Кьевит неженат? Он был по меньшей мере лет на десять старше неё, так что это вполне ожидаемо.

«А ты, что же, надеялась, что он тобой заинтересуется? – спросил внутренний голос, просыпавшийся порой в минуты сомнений и неприятно напомнивший ей голос Рароса. – Чтобы Кори поглядел на Мева? Пфф! Что за глупая идея, в самом деле? Он был добр к тебе, и то лишь потому, что ему нужен проводник в Экрузим!»

И он женат. На женщине, которая летает на быстрых хрустальных крыльях и живёт в прекрасном дворце, в Корраке, куда таким, как Реа, закрыт доступ.

Она подошла к зеркалу, чтобы завязать платок, радуясь предлогу отвернуться от Кьевита. Надо было заранее выпросить у Нори. Тогда бы она вот так не растерялась. Но служанка

держалась несколько высокомерно, и за всё время в Коррак-лайане, у Реа так и не получалось завязать с нею разговор.

Когда бант на затылке был надёжно затянут, складки разглажены, а уши спрятаны, она повернулась к Кьевиту с весёлой улыбкой, достойной самой благоразумной Мева.

– Вот, теперь готова!

Кони уже ждали их в конюшне – крупные, нетерпеливые животные. Седельные сумки были до отказа набиты всем, что могло пригодиться в дороге – лекарства, верёвка, моток прочных ниток, рулон промасленной непромокаемой ткани, и, конечно, провизия на два-три дня. В Нимилине они пополняют запасы и обживутся повозкой, палаткой и каким-то подобием товара, который они якобы везли на ярмарку в Нойом-Канаре.

Было также оружие – охотничьи луки и стрелы, ножи и маленький топорик, для рубки дров. У Скьюта на поясе висел клевец – кованый тяжёлый наконечник в виде птичьей головы, насаженный на короткое древко. У Кьевита – два изящных серпа из светлого металла с кожаными ручками.

Реа предполагала, что они спрячут оружие от посторонних глаз так же, как они скрывают крылья. Ей же, не обладающей магией, оставалось лишь прихватить незаметный маленький нож, который можно было припрятать среди складок платья, и надеяться на то, что он ей не пригодится.

– Ты умеешь держаться в седле? – спросил её Кьевит.

– Да мне седло вообще без надобности, – ответила Реа.

В резервации она часто скакала верхом и без всякого седла. И хотя у смирных лошадок Мева было не много общего с этими чудищами, Реа не оробела и ловко запрыгнула на спину тому, что стоял ближе к ней. Конь фыркнул, мотнул густой гривой, но не стал возражать против наездницы, и девушка решила, что они поладят.

Итты с ними не было. Кьевит сказал, что она догонит их позже.

– Упрямая девчонка, – проворчал Скьютт, – вечно ей нужно проявлять своеволие, пусть даже в малостях.

– В кого бы это она такая? – усмехнулся Кьевит.

Втроем они покинули Коррак-лайан и направились по широкой дороге в Нимилин, город, лежащий на самой на границе с враждебным королевством Нирунийцев. Свежий запах ночи ещё держался в утреннем воздухе. Реа с сожалением обернулась, чтобы напоследок взглянуть на Коррак с его младшим братом, хмуро поднесла руку к носу – запах духов, что брызнула торговка, до сих пор не выветрился окончательно, оставшись едва уловимой тающей сладостью на коже.

Часть 2

Реа

Случалось, что в резервацию Мева, где жила Реа, попадали странные люди. Одежда их была немногим лучше нищенских лохмотьев, волосы спутаны, а сапоги покрыты слоем несмываемой грязи. Когда Рарос пытался сбить им хворого осла или хилую клячу, они смеялись и говорили:

– Что вы, что вы! На кой чёрт нам осёл? Нам так легче!

Всё нехитрое их имущество умещалось в сумках за плечами.

Рарос не велел детям приближаться к таким людям. Он утверждал, что страсть к путешествиям – это зараза, которую носит ветер, и надобно держать рот закрытым, чтоб её не подхватить. Говоря так, он всегда бросал неодобрительный взгляд на Реа, будто бы в ней эта зараза сидела с рождения, переданная по наследству. Хранители, вроде Айлы, были для старейшины немногим лучше таких вот вонючих бродяг.

А Реа ощущала необъяснимую родственность с этими странными людьми, которые не только не чурались общества Мева, но были рады разделить с ними еду и истории. В отличие от Рароса и прочих обитателей резервации, она знала – помнила! – что такое дорога. Была ли страсть к путешествиям и вправду заразой, которую она подхватила в одном из их с матерью походов? Если так, то как крошечное сорное семя, затаившееся где-то в глубине её души, она ждала своего часа, чтобы прорасти.

И вот, час настал. Реа скакала по землям Кори, и никогда не испытывала такого... не счастья, нет. Сотни волнений и страхов осаждали её душу, так что она не могла быть по-настоящему счастлива. Скорее, она чувствовала себя – правильно. На своем месте. Как пичуга, после долгого времени, проведённого в клетке, вдруг вырвавшаяся на волю – отвыкшая от безграничности неба, испуганная перед лицом бесчисленных опасностей, и, тем не менее, свободная.

Многое успело поменяться с тех пор, как мать Реа ходила в Экрузим. В те годы Нирунийцы были всего-навсего далёкими таинственными соседями. В резервациях Мева о них говорили примерно, как о детской страшилке – жуткие слухи о металлических монстрах, оживлённых магией, о подлых ядах, что убивают не сразу, а через много дней, о кровавых кознях. Непонятные и зачастую противоречивые, эти истории пересказывались у костров, передавались из поселения в поселение, обрастая новыми подробностями.

А без малого пятнадцать лет назад страшилка неожиданно-негаданно ожила и подобралась вплотную к Триаде. И граница, что легла вдоль Чешуйчатого каньона, отрезала Мева от их священного города жестоко и бесповоротно. Реа всегда полагала, что именно это разбило сердце Айлы и потушило в нём огонь – эта окончательная разлука с Экрузимом.

– Тебе доводилось бывать в Нимилине? – спросил Кьевит, когда они остановились передохнуть у реки.

Реа покачала головой.

– Нет, никогда. Мать всегда шла длинной южной дорогой.

Дорогой, что тоже когда-то принадлежала Мева. Многие из живущих ныне даже не догадывались, как много из этих земель, которые сейчас управлялись Кори и Нирунийцами, а до них Орана, давным-давно являлись частью обширных территорий Мева. Десятилетия, столетия назад...

– Когда-то, – сказал Кьевит, угадав её мысли, – земли Мева захватывали большую часть Поухт Рейе и доходили до самого Нойом-Канара. Теперь же Экрузим – единственная память о тех временах. Я понимаю, почему вы бы хотели сохранить его в неприкосновенности.

– Мева нет дела до утраченных земель, – ответила Реа. – Толку сожалеть о том, что ушло? Мать так говорила. И всё же, неизбежно, во время их походов, она указывала маленькой Реа то на вереницу холмов, то на старое речное русло, и объясняла:

– Здесь были наши границы. И вон там. И тут.

Айла предпочитала избегать городов, и вместо того, чтобы идти по Нимилинскому мосту, им приходилось спускаться на дно Чешуйчатого каньона и переходить реку вброд. Она сажала дочь на плечи и боролась с водой, достававшей ей до самой шеи. Реа безоговорочно доверяла матери – знала, что Айла доставит её на другой берег целой и невредимой. Чего она боялась, так это змей, что кишмя кишели на дне каньона. Ступишь шаг – и вот уже что-то недовольно отползает прочь, шурша меж пёстрых камней.

Но до каньона было ещё далеко. Пока что их путь лежал по землям Кори, вдоль ошеломляющих горных пиков, что вырастали внезапно посреди равнин и тянулись ввысь. Приглядеться, можно было различить домики, выстроенные прямо на скалах. На головокружительной высоте протянулись веревочные мостики, и люди сновали по ним, туда-сюда, управляя сложной системой из тросов, по которым кочевали тяжёлыми связками заготовленные дрова.

Ей не удалось разглядеть внимательней. Путь увёл их прочь от ухабистых крестьянских тропок, туда, где лошадям было привольно разбежаться на долгожданной торной дороге, пришедшей на смену тесным лайанским конюшням.

Это были спокойные, мирные земли, уверенные в том, что сила могучих Кори защищает их от любых опасностей, как броня, подаренная самими Спящими.

Попадались небольшие города с чисто-выбеленными домами и аккуратными палисадниками. В пышных вишнёвых садах птицы воровали ягоды. На лесопильнях крепкие распиловщики принимали сплавляемые по реке крупные брёвна и собирали их в штабеля. Днём работа кипела, а ближе к вечеру крестьяне разводили костры и пели в их свете, терзая себе в аккомпанемент жильные струны, натянутые на круглые корпуса.

Однако, чем дальше от Коррака, тем менее обитаемыми делались края. Реже попадались кареты, чаще – грубые грохочущие телеги. Дома стали ниже, небелёные, нуждающиеся в ремонте, а то и вовсе лачуги с чумазыми свиньями и голодными собаками, копошащимися в грязи во дворе.

Рео тайком подивилась тому, что всего в одном дне пути от Коррака, люди, оказывается, живут немногим лучше, чем Мева в своих в резервациях.

На исходе первого дня путники устроились на ночлег в уютной долине. Река разлилась здесь, вышла из берегов, образовав небольшое озерцо. Невесомые клочки тумана порхали над его поверхностью, едва касаясь, будто призрак птичьей стаи.

Вода затопила росшие по берегам кусты дикой каймушки, оставив верхушки украшенных медовыми бусинами веток торчать над водой. Белки запрыгивали на них, хватались цепкими лапами и набирали целые охапки ягод. Порой, те, что пожадней не могли удержать добычу и роняли всё собранное добро в воду, а то и сами летели следом, и выбирались, затем, на берег, фыркая и встряхиваясь.

Рео увлечённо наблюдала за ними, а Къевит собрал пригоршню ягод и протянул неудачливым зверькам на вытянутой ладони. Те не спешили приближаться.

– Давайте, – сказал он с усмешкой, – чего оробели?

– Они дикие, не подойдут, – предположила Реа, наблюдая.

– Погоди немного, – уверенно ответил Къевит, не собираясь сдаваться. И точно – одна за другой, белки стали подбегать к нему и выхватывать лакомство из его рук, сначала нерешительно, а потом всё наглей и наглей.

– Со всеми умеет найти общий язык, – пробормотал Скъют, пытавшийся развести неподалёку костёр. – Талант у него такой, видишь ли.

На закате, взошедшая луна разогнала туман, и раскрасила поверхность воды, превратив её в тилорский ковёр с его замысловатыми золотыми узорами. Маленький костерок фыркал и посылал в небо искры.

– Почему Кори прячут крылья? – спросила Реа у Къевита. Скъюта она старалась по возможности игнорировать. – Вам ведь нет нужды прятаться, как мне. Будь у меня крылья... я, пожалуй, хотела бы, чтобы их видели.

– Это традиция, – уклончиво ответил Къевит, и девушка не стала допытываться. В конце концов, он не обязан ничего ей объяснять.

– С помощью своего *лейфты*, ты мог бы превратиться в кого-то другого, если бы захотел? – спросила она тогда. – Не в человека, а, к примеру... в Мева?

Едва задав вопрос, она залилась краской. Чтобы Кори пожелал превратиться в Мева? Сама идея – нелепость.

Скъют фыркнул, и она покраснела, мысленно хлопнув себя по лбу за то, что сморозила чушь. Къевит не рассмеялся, не поморщился. Просто кивнул, серьёзно:

– Да, конечно. Однако я, разумеется, не смог бы бегать так же быстро или слышать так же хорошо, как настоящий Мева. *Лейфты* меняет внешность, не суть.

– А ты мог бы превратиться во что-нибудь страшное? В чудовище, например? В Ютта Кару?

Тут уж Къевит рассмеялся:

– В детскую страшилку? Нет! Ты можешь превратиться лишь в то, что твои глаза видели хотя бы однажды. Образы *лейфты* питает разум носителя. Даже самое богатое воображение не сможет породить устойчивую иллюзию. Поэтому ты можешь спрятать что-то в своей внешности, можешь добавить что-то, что видела когда-то, а вот слепить образ из ничего – увы, нет.

Реа пыталась уснуть, но ночь не несла покоя, а напротив заряжала, переполняла, бурлила внутри, как горячий источник. Шум ветра и реки, разговоры ночных созданий – всё было пропитано какой-то неистовой энергией. В груди Реа трепетали те же неугомонные искры, что вырывались из костра навстречу звёздам. Если бы не громкий храп Скъюта, это было бы поистине идеальное мгновение, а значит, нельзя спать. Нельзя упустить его. Нужно вдохнуть его полной грудью и сохранить.

Къевит сидел, глядя в огонь, полагая, верно, что его спутники давно спят. Что ж, тем лучше. Реа смотрела на него, украдкой, как воровка, пробравшаяся в богатый дом под покровом ночи и поспешно набивавшая карманы золотом. Его силуэт состоял из оранжевого света и чёрной тени, резкий и явственный на фоне тёмно-синего неба. Без спешки он вычистил трубку, набил её, вытащил из огня прутик и прикурнул. Пряный аромат табака смешался с дымом костра и запахом сырой земли. Дым поплыл вверх, стремясь прикоснуться к Снам Богов, что кружили над долиной. Къевит наблюдая за танцующими прозрачными сферами.

– Никто не знает, откуда берутся Сны, – заговорил он, не поворачивая голову. – Правда ли они имеют отношение к Спящим, как это принято считать, или же их природа совсем иная?

Реа замерла, застигнутая на месте преступления, смущённая. Со свойственным Мева предрассудком по отношению к Кори, она решила, было, что Къевит каким-то образом почувствовал, что она его разглядывает, и жаркий румянец залил её щёки и шею.

– Ээхм... – она неловко завозилась на жёсткой подстилке. – Как ты понял, что я не сплю?

– Просто угадал.

Она подобралась поближе к огню, укутываясь в дорожное одеяло. Ночь стояла тёплая, так что, по правде, оно было не очень-то ей нужно, но, как и костёр, одеяло дарило уют, к которому подсознательно стремятся путешественники в дороге.

– А что думаешь ты? – спросила она. – Откуда они берутся?

– Один корракский философ утверждал, что эти небольшие Сны, что населяют наш мир – обломки более крупных Снов, которые в свою очередь являются отдельными мирами,

такими же как наш. И наш мир – тоже Сон, заключённый в прозрачную сферу, что танцует где-то среди необъятности мироздания. Один из бесконечного множества. И все они разные внутри. Одни миры отличаются от нашего так сильно, что человеческий разум сломался бы, увидев их. А другие похожи на наш так, что их даже населяют наши двойники. Однако жизнь их складывается иначе, чем наша...

– Ты бы хотел, чтобы твоя жизнь сложилась иначе? – спросила Реа, не пряча сомнения в голосе. Уж кому-кому, а Кори не было причин роптать на судьбу.

– У любого разумного существа есть устремления, разве нет?

Реа цокнула языком.

– Знаешь, что Мева говорят об устремлениях?

– Судя по твоему тону, ничего хорошего? – улыбнулся он.

– Есть такая сказка. О Мева, который прыгнул.

– Расскажи.

– Ну, если коротко, то жил-был однажды один Мева. Он мечтал о том, чтобы посмотреть, что же такое прячется внутри Снов Богов. Он видел, как Кори с их крыльями, летают по Снам, и завидовал им. Старейшина его резервации говорил ему: «Знай своё место. Тебе Спящие не дали крыльев, стало быть и Сны Богов – не для тебя».

Но упрямый Мева не желал слышать. Однажды он отыскал самую высокую гору, забрался на неё и сел там, ждать. Он ждал много дней, наблюдая за Снами. Ни один не подлетал близко к вершине. Они кружили над ней, дразнили, но всегда оставались вне досягаемости.

Упрямый мальчишка ждал и ждал, и ждал. И в итоге улучил-таки момент, когда один из Снов подлетел ближе других к вершине. И тогда Мева разбежался и прыгнул так далеко, как только позволили ему его лапы.

Он очутился во Сне.

Он увидел прекрасный мир, состоящий из водопадов и озёр, где небеса были раскрашены радугами, а земля – пёстрыми цветами.

В восхищении он бродил по Сну.

Но тут Сон начал таять. Захваченный зрелищем, Мева этого и не заметил, пока земля вдруг не ушла у него из-под ног. И он полетел вниз. На самое дно ущелья, где разбился об острые камни.

– Ой-ой, – улыбнулся Кьевит. – Какая грустная сказка.

– Поучительная, скорее, – ответила Реа. – Мева – не Кори. Им нечего делать там, где им не место.

Итта

Итта не отрывала взгляда от неба. Сны богов всегда манили её, но теперь – особенно. Её раздирало любопытство. Будто бы кто-то выжег слово «Серлиссия» в её сознании раскалённым ножом, и оно тихонько тлело там, не давая покоя.

Уже почти подошло время отправляться в путь, а Итта продолжала исследовать Сны. Она выбирала их наобум – и те, что вились вокруг высоких башен, и те, что скромно танцевали в стороне, и те, совсем маленькие, что блуждали по улицам, сбившись с пути. Напрасно! Они открывали ей привычные странные образы, и не давали ни малейшей подсказки на то, где искать загадочную Серлиссию.

Итта чувствовала не столько досаду, сколько непонятную и совершенно нелогичную обиду. Словно бы отказавшись открыться ей, тайна наносила ей какое-то личное оскорбление. И всякая новая неудача на пути к разгадке делала эту обиду глубже и болезненней.

Зачем было дразнить её, навязываться вот так, а потом взять и будто бы спихнуть в сторону? Или Итта провалила некую негласную проверку? Плохо старалась? Оказалась недостаточно сообразительна?

В отчаянии Итта даже забралась в дедовскую библиотеку и попыталась сама, как умела, поискать там упоминания о загадочном слове. Ничего не вышло. Тексты, что собирал бывший Паладин Коррака, были скучными докладами, анализами, непонятными колонками расчётов и сокращений. Наверное, Кьев или Скъю могли бы растолковать ей, о чём в них шла речь, но Итта и не думала просить их. Она предполагала, что Серлиссии нет среди сухих цифр.

Кьев и Скъю тем временем уже отбыли в Нимилин, а Итта так и оставалась в Корраке. Она опасалась, что в нынешнем её расположении духа она просто не вынесет общества жеманной Мева, и обещала нагнать их на границе – крылья у неё быстрые, так что она вполне может позволить себе чуть подзадержаться и похандрить лишний денёк.

Этим она и была занята до самой ночи, когда кто-то неожиданно и настойчиво заколотил молоточком об входную дверь. Лёжа в постели, Итта прислушалась. Кто бы это мог быть в такой час? Спустя минуту, в комнату заглянула служанка, старая бескрылая коринка по имени Аки, и сообщила:

– К вам посетитель, госпожа. Какой-то юноша. Ждёт внизу.

Посетитель? Юноша?

Служанка, давно наловчившаяся читать выражение лица немой хозяйки и не нуждавшаяся в словах, пожала плечами:

– Он не назвался. Твердит, что по важному делу.

Итта вскочила с кровати, внезапно придя в несвойственное для неё волнение. Она поспешила к двери, как была в ночной рубашке, наткнулась на суровый взгляд Аки, отыскала под диваном длинную шёлковую накидку и кое-как натянула, и тогда уже полу-побежала, полу-полетела вниз.

Посетителем оказался Вьюн, помощник писаря из библиотеки. Вот уж кого она не ожидала! Отчего-то он очень смутился, увидев её. Итта поймала своё отражение в зеркале на стене. В шёлковой накидке вышитой богатой золотой нитью, причёсанная заботливой Аки ко сну, она в кои-то веки не выглядела бродяжкой. Но тут было и ещё кое-что – то, чего сама Итта почти не осознавала и чего не больно-то и хотела. Женственность – пока лишь намёк на неё, но и этого, по-видимому, было достаточно, чтобы вогнать юного писаря в краску.

Итта упёрла руки в бока, всем видом говоря: «Ну, и чего же ты явился?»

Вьюн справился со своим смущением.

– Госпожа Кирран, – сказал он, кланяясь ей.

Итта нахмурилась. Никто не звал её «госпожой Киранн». Так обыкновенно обращались к Лиит, жене Кьевита. Тем не менее, это было её имя, и она кивнула Вьюну.

– Я... я нашёл кое-что, уже после того, как вы ушли. Я решил поискать ещё немного...

Он снова покраснел, будто бы признался в чём-то совершенно недопустимом.

Итта взмахнула рукой, поторапливая его.

– В общем, я нашёл кое-что. Не совсем то, что нужно, но вот...

Он развернул небольшой свиток, который держал в руке, и протянул ей. На бумаге был короткий текст.

– Вы знакомы, – спросил Вьюн, – с Древнейшим языком?

Итта нетерпеливо кивнула. Конечно, знакома! Дед, во время скучных бесконечных уроков, часто про него бубнил. Первый язык, так его называли. Бывший в обиходе во времени Спящих, он дошёл до нынешнего времени малопонятными обрывками, о значении которых учёные-писцы могли лишь гадать.

– Так вот, в библиотеке мы работаем над переводами некоторых достигших нас текстов. Это, мы полагаем, фрагмент некой ритуальной песни. Здесь есть слово, вот, видите? Серлисей? Хотя нет единогласия в том, что это означает, исходя из контекста, вероятно, это что-то вроде ритуальной жертвы.

Итта поискала глазами чернильницу, но писарь уже протягивал ей кусочек угля и бумагу, сложенную в несколько раз, чтобы уместилась в кармане. Итта выхватила и то, и другое у него из рук и, опустившись на пол, начала проворно писать: «Что такое ритуальная жертва? О чём та песня? Серлисей и Серлиссия – это одно и то же? Где...»

Вьюн мягко остановил её руку, садясь рядом на пол.

– Погодите, не так быстро. Давайте, по порядку. Ритуальная жертва – это мракобесный обычай. Человеческое жертвоприношение. Оно практиковалось в древности. Разумеется, никто в Триаде его ныне не соблюдает. В песне описывается некий праздник – неясно какой именно. Говорится о еде, о спортивных играх, и пара слов о ритуальном убийстве... вот, здесь написано: «на алтарь богов проливается кровь жертвы». Это всё, что здесь сказано. Имеет ли «серлисей» отношение к «серлиссии» неизвестно, однако, полагаю, что да. Слова очень похожи.

Итта задумчиво побарабанила угольком по бумаге, на которой записала свои вопросы. Заметив, что её пальцы стали совсем чёрными, небрежно вытерла их краем накидки. Вьюн поспешно спрятал улыбку, и она насупилась в его сторону – чего смешного?

– Я сбился с ног пока нашёл вас, – сказал он тогда, – вы не оставили своего адреса. Мне пришлось провести собственное расследование, чтобы узнать ваше имя. А для чего всё это, госпожа? Если можно спросить?

Она повела плечами. Написала:

«Ерунда. Забудьте».

Он склонил голову, серьёзно.

– Конечно. Что ж, уже поздний час... я пойду. Доброй ночи, госпожа Киранн.

Он ушёл, затворив за собой дверь, а она, завернувшись плотнее в накидку, стала медленно подниматься по лестнице, поглощённая мыслями о таинственном слове.

Лишь взявшись за ручку двери своей комнаты, она опомнилась: «Я же его не поблагодарила!»

На миг ей стало совестно. Может быть, она успеет заглянуть в библиотеку завтра, перед отбытием в Нимилин? Просто сказать спасибо за его старания. Ведь у него ушла уйма времени, чтобы найти для неё информацию, а потом разыскивать по во всему Корраку и её саму...

Думая так, она перешагнула порог и замерла. Прозрачный шар мелькнул за её окном, да так быстро, что она чуть его не проглядела.

В мгновение ока Итта запрыгнула на широкий подоконник и распахнула створки. Те протяжно закричали, будто жалуясь, что она потревожила их ночной сон. Метнувшись за ускользающей тенью, девочка оставила их распахнутыми, изумлённо смотреть ей вслед.

Она нагнала Сон в два быстрых взмаха и ворвалась в него, задыхаясь, не столько от усилий, которых требовала погоня, сколько от предвкушения, знакомого, пожалуй, лишь охотнику, нападшему на след хитрой добычи...

Она ждала ещё одну библиотеку. Или комнату, пахнущую полировочным составом. Книжные полки. Сочащиеся воском свечи в тяжёлых канделябрах. Что-нибудь в этом роде.

Вместо этого ноги почувствовали мягкую напитанную росой почву и острые лезвия недавно срезанной травы. Перед ней простёрлась лужайка, поделённая надвое выложенной камнем дорожкой, что вела к порогу коренастой одноэтажной постройки.

Не меньше минуты Итта стояла и разглядывала дом. Он был большой, но не богатый. Один из тех, в которых обычно жили крестьянские семьи. Архитектура – незнакомая: покатая крыша, как шляпка гриба и невысокое круглой формы крыльцо. Да и вообще, всё какое-то приземистое, сбитое.

Позади дома был разбит сад. На крыльце стояли старые корзины для сбора урожая.

Дверь была приоткрыта, и Итта вошла. Она поймала себя на том, что ступает тихо-тихо, крадучись. Прежде она никогда не церемонилась со Снами, нахально рассматривала, вертела, заглядывала всюду... не теперь. Что-то подсказывало, что нужно быть начеку.

Какой же тесный дом! Мебель – крепкая, деревянная. Стол со стульями, по бокам кресла, два дивана, посудный шкаф и полки. В центре – выложенный камнем очаг. Теснота, толком не повернуться!

Итта зацепила рукой глиняную вазу, и та опасно закачалась. Она поспешила схватить её, и тут же запуталась крыльями в декоративной драпировке из ракушек, и дом наполнился их шепчущим перестуком.

Что за неуклюжая девочка! Она не привыкла чувствовать себя такой неповоротливой...

До неё вдруг дошло, что было не так с этим домом, с его дизайном, с его обстановкой. Он не подражал Корраку, вот что! Вся Триада, даже Мева в своих резервациях, и те старались хоть чуть-чуть брать пример с Кори – островерхние крыши, высокие окна и потолки. Жители Триады сознательно или несознательно подстраивались под птиц, любивших раздолье. Этот дом будто бы намеренно отказывался так делать, и нарочно пригибался пониже к земле.

Она поспешила выйти, покуда не разбила чего, и задержалась на пороге, обозревая окрестности. Всюду, куда ни кинь взгляд, пышно и зелено.

Итта взмахнула крыльями и взлетела, зорко следя за тем, чтобы ненароком не покинуть границы сна. Очень скоро, впрочем, выяснилось, что волноваться на сей счёт не было никакой нужды. Сон был просто колоссальным, и подняться получилось довольно-таки высоко. От простёршегося перед ней пейзажа захватило дух.

Дом стоял в низине, окружённой со всех сторон отвесными скалами. На севере шумел водопад. Река срывалась с камней, гремя и фыркая, а потом разделялась на два быстрых потока, которые огибали дом с двух сторон по широким дугам, прежде чем исчезнуть среди скал на юге.

Других домов видно не было. Похоже, что семья, что жила здесь, вела донельзя уединённую жизнь.

Позади дома обнаружился небольшой сад, в самом сердце которого раскинуло ветви высокое дерево с мощными корнями. Его листва шелестела на ветру, и сияла на солнце как будто сделанная из серебра. Кора же была полупрозрачной, хрустальной.

Итта никогда не видела подобных деревьев в природе.

Она ни на минуту не усомнилась в том, что этот Сон – необычный, и в нём – очередная подсказка. Он – её награда, за то, что правильно разгадала слово. Серлиссия – ритуальная жертва – какое отношение она имеет к этому безмятежному уголку?

Итта как раз собиралась подлететь поближе, чтобы лучше разглядеть дерево, когда прямо под ним ей почудилось движение. Она чуть-чуть вздрогнула – не от страха, а от удивления. В Снах никогда никого не было. В теории она, конечно, могла бы встретить здесь кого-то – другого такого же бездельника-Кори, вроде неё самой – но этого никогда не случилось. Сны начинали сдуваться, как проколотый мяч, стоило лишь в него войти, так что вероятность, что двум Кори одновременно придёт идея посетить один и тот же, была ничтожно мала...

Она пригляделась, и на миг ей показалось, что она видит мужчину, стоящего в тени дерева. Она была уверена, что отлично различает его лицо. Но миг прошёл, и незнакомец исчез, будто бы глубокая тень проглотила его.

Итта ошеломлённо моргнула. Что это было за наваждение? Могло ли зрение подвести её? Да нет же! Она разглядела его так внимательно!.. Едва подумав так, она поняла, что и это неправда – она не могла вспомнить ни единой детали его внешности. Ни цвета его волос, ни покроя его одежды. Молод он был или стар? Высок или низок?

Она спустилась на землю, туда, где секунду назад он стоял среди теней. Почва под деревом была здесь мягкая и ничуть нетоптаная. Живой человек оставил бы следы, даже в мире Снов. Не иначе, то был призрак. Мираж.

Её глаза уловили что-то в траве – матовый блеск, будто бы потерявшаяся среди стеблей жемчужина. Нагнувшись, Итта подняла с земли... что это? Кольцо? Массивный, тяжёлый обод из тёмного незнакомого металла, гладко отшлифованный, формой напоминавший кольцо лучника. Откуда оно тут взялось?

Времени, чтобы ломать голову над этой новой загадкой, у неё уже не было. Воздух наполнился бликами – явный признак того, что Сну скоро придёт конец. Машинально сунув кольцо в карман, Итта отправилась восвояси.

Реа

Реа и её спутники добрались до условленного места лишь в сумерках, на второй день пути. Быстро оглядевшись, убедиться, что вокруг никого нет, Кьевит свернул с широкой дороги и углубился в холмы, зловещие в угасающем свете.

– Куда мы... – начала за его спиной Реа, пригибаясь к самой шее лошади, чтобы ненароком не зацепиться за низкую ветку, но тут впереди, между деревьями, мелькнул свет, и она умолкла.

Тропка, едва различимая в траве, привела их к пещере в высоком холме. Берлога контрабандистов, не иначе. У входа горел костёр. Сам поверенец Кьевита возился с лошадьми, устраивая их на ночь. Повозка, раскрашенная тилорскими узорами, стояла тут же, неподалёку. Всё точно, как надо... за одним исключением.

– Спрячь их, Киззи, – бросил Кьевит, слезая с коня.

Реа с любопытством разглядывала крылья Киззи: жалкие, слабые, уродливые.

Поверенец стиснул зубы. Обида явственно отразилась на его лице. Он-то старался, устраивал всё, как надо, до последней мелочи, а тут такое приветствие!

– Здесь ведь ни души, – попробовал возражать он, – я не совсем дурак, знаешь ли, Кьев.

– Так близко к нирунийской границе крылья показывает только последний идиот, – вставил Скъют.

Киззи ошетинился пуще прежнего.

– Особенно такие крылья, как у меня, – произнёс он в сердцах. – Так, да?

Скъют пожал плечами, будто говоря: «Ну, ты сам это сказал».

С резким драматическим хлопком крылья Киззи пропали.

– Вот, – сказал он сухо, протягивая Кьевиту футляр со свитками, – всё готово. Повозка, лошади, бумаги свободных торговцев, и, разумеется, товар – специи, самые обычные. Чтобы никто в дороге не позарился на ваше добро. Мы не хотим неприятностей ещё до того, как вы окажетесь в Нойом-Канаре.

– Как нас зовут? – спросил Кьевит, разворачивая свитки и быстро прочитывая написанное в них.

– Я оставил ваши имена. Подумал, иначе, вы можете запутаться и выдать себя. Тилорцы, что живут на территории Кори, часто называют детей птичьими именами, так что вопросов это вызвать не должно. Только её, – он кивнул на Реа, – я записал Креарой. Если ненароком назовёте настоящим именем, ничего страшного – решат, что просто прозвище.

– Какие новости в Нимилине?

– Да, как обычно. Бредни о Ночном народе. Были какие-то нападения, дикие звери, скорее всего, и теперь весь Нимилин винит в этом демонов.

– Проведём ночь здесь, – сказал Кьевит. – А на рассвете возьмём повозку и отправимся в Нимилин. Киззи, заберёшь наших лошадей назад в Лайан. Итту пока не видел?

Киззи повёл плечами.

– Я ждал в Этажах. Она так и не объявилась. Упрямая девчонка, неужели не могла приехать с вами, как полагается?

– Почему бы тебе не захлопнуть свой чёртов клюв вместе со своим мнением? – оборвал его Скъют, хотя недавно сам пенял на своевольный характер дочери. – Будет лучше, если я поеду первый. Итта была в Нимилине всего лишь раз. Могла не найти комнату. Посмотрю, может быть, отыщу её. А заодно кое-какие дела сделаю.

– Дела? – переспросил Кьевит, поднимая бровь.

Скъют отмахнулся.

– Ничего касающегося миссии, Кьев. Ты и не поймёшь, что меня нет.

*

Крик ночной птицы разбудил Реа. Она полежала немного, глядя на тлеющие угли, и понимая, что заснуть снова у неё уже едва ли выйдет. Мир снов, такой реальный всего минуту назад, стремительно таял. Тихо, она встала, вышла из пещеры и потянулась, глядя в звёздное небо. До рассвета оставалось не менее пары часов.

Лошади спали. Повозка стояла, дожидаясь завтрашнего дня. Любопытство толкнуло Реа подойти ближе, чтобы в щедром свете луны рассмотреть узоры, украсившие деревянные бока. Девушка с приличной долей гордости полагала себя знатоком в тилорском искусстве, и теперь наклонилась, изучая рисунки.

– Не трогай, – предупредил голос, – пока не просохла.

Реа обернулась. Это был Киззи, поверенец Къевита. Он сидел на камне, чуть в стороне от входа в пещеру. Глубокая тень холма хорошо укрывала его от глаз, и будь Реа чистокровным человеком, она бы, пожалуй, его вовсе не разглядела. Будь она чистокровной Мева, однако, она почуяла бы его прежде, чем он заговорил.

Киззи приложился к большой походной фляге.

– Стянул у Скьюта, – пояснил он, доверительно, – ну и поило, скажу тебе. Насчёт кареты не волнуйся. За ночь краска успеет обсохнуть. Будь у меня чуть больше времени, я бы просто купил готовую повозку у какого-нибудь тилорца, но Къев вечно назначает сроки впритык. Пришлось импровизировать.

Он слегка споткнулся на слове «импровизировать» и снова глотнул из фляги.

Реа вскинула брови, и вернулась к изучению узоров, на этот раз внимательнее.

– Ты это сам нарисовал?

– Ну, да, кто ж ещё?

Реа подошла к камню, на котором он сидел, и он подвинулся, освобождая ей место рядом.

– Мева хорошо подражают искусству тилорцев, – объяснила Реа, садясь. – Мы умеем распознавать подделки. А ты обманул бы даже меня. В жизни бы не подумала, что это сделала птаха.

– Работа у меня такая, разбираться в подделках, – заметил он. – Но знаешь что? Спасибо! Приятно, что хоть кто-то оценил мою работу по достоинству. Къев принимает старания, как должное.

Очевидно спор, произошедший между Кори при встрече, не был ни забыт, ни прощён.

Реа помялась, не зная, стоит ли спрашивать, и всё-таки спросила:

– Что с твоими крыльями?

Киззи посмотрел на неё искоса.

– Къеву не понравится, если я расскажу.

– Я умею хранить тайны.

– Уверен, что так оно и есть... Ах, да и какая разница? Ты и без того знаешь уже много такого, чего ни одной Мева знать не следует. Одним секретом больше, одним меньше... Будь на месте Къева кто-то другой, тебе бы стоило забеспокоиться. Вот тот же Скьют не оставил бы тебя в живых со всеми этими коринскими тайнами в твоей голове. Но ты не бойся, Къев может быть распоследней задницей, но он честный, – Киззи вздохнул: – То, что с моими крыльями, называется «изьян». Он есть у большинства Кори, но проявляется по-разному. Представь себе, не у всех нас есть крылья! А даже если и есть, у трети они ни на что не годятся. Как мои. Мало кто знает об этом. Кори прячут крылья с помощью *лейфтов*, так что, поди пойми у кого они есть, а у кого нет.

Реа молчала, поражённая. Не столько самим откровением, сколько тем, в какую опасность такое знание ставило её. Киззи был прав – это путешествие открывало ей много такого, чего Мева знать не положено.

– А есть такие, как Итта, – продолжал поверенец, не замечая настроения собеседницы. – Крылья у неё – заглядение! Её изъян проявился иначе – у неё нет языка. Всё это – большая тайна, само-собой. Ты представляешь, что будет, коли Нирунийцы прослышат о том, что Кори – далеко не такие безупречные, какими пытаются казаться?

«Да, – подумала Реа, – они перестанут бояться Триады. И пойдут на нас войной».

– Я вот как считаю, – Киззи снова отхлебнул из фляги Скъюта и повторил: – Я вот, как считаю... у меня есть крылья. Да, они ни на что не годятся, но ведь есть же! Я – Кори! Чистокровный! Так чего мне их прятать, а?

– С помощью *лейфты*, – сказала Реа, – ты мог бы сделать их такими, как хочешь. Красивыми.

– А смысл? То будет лишь видимость. Летать их *лейфты* всё равно не заставит, так много ли в том толку? Да и не хочу я их прятать. Пусть все видят, что они у меня настоящие. Такие, какие есть.

И он распустил их за спиной (перья грязно-серые, а на концах – будто помутневшее стекло), пошевелил неуклюже, поглядел искоса на Реа, непонятно какой реакции ожидая.

– Какие изъяны у Къевита и Скъюта? – спросила она.

– Такие вещи не принято обсуждать, знаешь ли, – ответил Киззи. – Не у всех Кори они есть, а у многих незначительные или незаметные. У Скъюта нет фаланги на мизинце. Изъян это или нет? Чёрт его знает! Он вот твердит, что это росомаха оттяпала её, когда он был ребёнком. Может это и правда. Так что не думай, будто бы мы ослабли, далеко нет. И Нирунийцы правильно делают, что остерегаются. Просто, нельзя показывать врагу даже крошечную слабость, так?

Реа кивнула, но думала о другом: она полагала, что Кори остались такими, какими были много веков назад, но, если поразмыслить... Прочие благословенные народы растеряли свои силы. Мева лишились всего, чем когда-то владели. Орана обмельчали настолько, что уже полвека никто о них ничего и не слышал. Киндиры смешались с людьми так, что чистокровных не осталось. Почему бы этой напасти обойти стороной Кори?

– Что же вы ищете в Экрузиме? – спросила она, обращаясь не к Киззи, а больше размышляя вслух. Поверенец подскочил, будто опомнившись, и поспешно отложил флягу.

– Скоро утро, – сказал он, пряча крылья, – тебе бы лучше выспаться. Ветер перед рассветом в этих холмах гуляет злющий. Ещё не хватало, чтобы из-за меня ты простудилась перед самым походом.

*

Утренняя прохлада вот-вот готовилась уступить место жаркому дню, когда их лже-тилорская повозка подъехала к Нимилинскому мосту. Реа нервно поправила шарф на голове, проверила, надёжно ли тот сидит, и покосилась на Къевита, управлявшего лошадьми. Он был так спокоен, будто они отправились на увеселительную прогулку, а не въезжали на территорию враждебного королевства.

Несмотря на то, что Нимилин был небольшим городом, он стоял на границе между Нируни и Тριάдой, и движение здесь было очень оживлённым. Чудно! Она не знала, чего ждала – чего-то серого, каменного и холодного. И таким он, в общем-то, и был. Но не только.

Город стоял прямо на мосту. Вот такая диковинная идея пришла несколько столетий назад в голову какому-то безумному архитектору. Какой-то в равной мере безумный правитель решил вложить деньги, чтобы воплотить её в жизнь. И так на свет явился Нимилин.

Нимилинский мост был грандиозен. Реа могла лишь гадать, каких трудов стоило возвести его. Десять мощных опор в виде поднявшихся на дыбы змей исчезали в тумане на дне каньона. Камни, из которых они были сложены, изрядно поистерлись неистовыми ветрами и свирепыми ливнями, что обрушивались на эти края в зимние месяцы.

В центральной части мост немного расширился, и здесь располагался деловой центр города с высотными зданиями, едва ли не дворцами, увенчанными шпилями и скульптурами. По краям их теснили здания попроще, понеказистей – с острыми крышами, украшенными разве что флюгерами. А между ними пристроились и вовсе уродливые постройки, стоявшие не иначе как благодаря какому-нибудь изошрённому волшебству. Реа смотрела едва ли не в ужасе и всё ждала, что сейчас, ну, вот сейчас, налетит ураганный ветер, и развалюхи ухнут на дно каньона, как сломанный карточный домик. Разумеется, нет. Какое бы впечатление не производил Нимилин, его скелет был прочен, как сталь. В конце концов, он стоял здесь уже не одну сотню лет, задолго до появления на другой стороне Нирунийцев.

Официально Нируни и Триада пока не воевали. Границы их были открыты для торговцев и путешественников. Однако ни Кори, ни Мева на той стороне Чешуйчатого отнюдь не приветствовали, и у Реа сердце замирало при мысли о том, что обман раскроется. И лишь теперь, когда до границы было подать рукой, она стала осознавать в полной мере всю опасность предстоящего путешествия.

– Что со мной сделают, если поймают? – вопрос вырвался у неё нечаянно, и она тут же мысленно выругала себя. Ей вовсе не хотелось, чтобы Къевит посчитал её трусихой.

Он повернулся и несколько мгновений смотрел на неё. Затем, неожиданно, протянул руку и сжал её пальцы. Его ладонь была тёплой и твёрдой.

– Никто тебя не тронет, – сказал он. – Это не то же самое, что с ярмарками. Там ты была одна. Теперь – нет.

Он улыбнулся ей ободряюще, прежде чем убрать руку.

Они въехали на мост, и тут же попали в затор.

– Проверка, – сказал Къевит, приподнимаясь на облучке. – Ладно, ничего страшного. Надеюсь, Скьют разыскал Итту.

Реа не понаслышке была знакома с заторами во время ярмарок в больших городах, однако то, что творилось на въезде в Нимилин выходило за всякие рамки. Люди лезли со всех сторон. Маленькие фаэтоны вклинивались в пространство между тяжёлыми возами, обнаруживали, что там для них слишком узко и никак не проехать, и застревали, вызывая всеобщее негодование.

Слева шумело семейство купцов, приехавших, судя по акценту, откуда-то с юга. Во главе, правя лошаадьми, сидела тучная женщина и громче всех выражала негодование по поводу заминки.

– Ну что там на сей раз стряслось?! Эй, поскорее, у некоторых тут скоропортящийся товар!

Справа – обожжённый солнцем крестьянин, везущий тяжёлые кувшины с маслом. Он ухмыльнулся Реа и подмигнул, и она, вживаясь в роль робкой тилорки, придвинулась поближе к Къевиту.

– Как этот город живёт? – спросила она, надеясь скрасить ожидание разговором. – Без земли, без колодцев! Где они берут воду?

– Вон там, гляди, – Къевит указал наверх. Высоко над мостом шли деревянные желоба, поддерживаемые тонкими металлическими опорами, прикреплёнными к парапетам. – Занятная технология.

Он принялся объяснять ей, с неожиданным энтузиазмом, устройство водовода – что желоба тянутся на много миль, доставляя воду от реки, и что в Нимилине есть целый штат рабочих, смотрящих за тем, чтобы они нигде не прогнили и не прохудились.

Солнце уже уверенно обосновалось на небосводе и пекло нещадно. Даже разгуливавший по каньону ветер нисколько не облегчал жару.

– Что там, как ты думаешь? – спросила Реа, вытягивая нетерпеливо шею, пытаясь разглядеть длинная ли ещё вперед очередь.

– Просто проверяют товар, – Кьевит с жалостью глянул на её наряд. – Очень жарко? Может, укроешься пока в повозке?

Рео покачала головой:

– К жару-то я привычная. Ожидание, вот уж чего я терпеть не могу! Не пойму, отчего они там так копаются?

– Может быть, какие-то проблемы.

– Говорят, – с охотой встряла в разговор торговка с соседствующей повозки, наклоняясь к Кьевиту, чтобы тот лучше слышал её посреди гомона, – что в городе беспорядки были. Кто-то учинил драку в Побоище и кого-то там поубивали. Порезали ножом!

– Нет, мать, ты всё напутала! – из крытой повозки высунулся молодой человек. – Я слышал от Тремми, что там была птаха. Кори, то бишь. Говорят, хозяин Побоища хотел его надуть, не отдал ему положенный выигрыш, ну так тот взял и поубивал всех, кто там заправлял.

– А там уж вся толпа, что была на Побоище, начала всё крушить.

– Да, и поделом! То заведение ведь какому-то Нирунийцу принадлежит, кажись? Будут знать, как с птахами связываться!

– Ну, а нам, простым людям, что прикажешь делать? Теперь стоять на жару, в толкучке, ждать, пока поимщики там всё уладят.

Кьевит выслушал торговцев и даже бровью не повёл.

– Птаха? – переспросил он. – Когда? Этой вот ночью?

– Именно так!

– А что за Побоище?

– Арена. У них там «подпольные, да не совсем подпольные» бои по ночам устраивают.

– Ну, раз такое дело, то понятно, – протянул Кьевит, и, поворачиваясь к Реа, добавил: – Ну, жена, застряли мы здесь с тобой, похоже.

Она взглядела в его внезапно потемневшие глаза. В них ничего нельзя было прочесть. Её лицо, должно быть, напротив, выдавало всю бурю овладевших ею эмоций – злость и страх, в первую очередь.

– Я убью Скъюта! – прошипела она, ничуть не сомневаясь, что этот переполох – его рук дело.

Весь их план, тайком въехать на нирунийскую территорию, трещал по швам! Птица в Нимилине! Да эта весть разлетится по всему Нируни уже к сегодняшнему вечеру!

Она глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь справиться с успокоиться.

«Тебе не впервой, Реа, попадать в переделки, – попыталась она увещевать себя. – А помнишь, как ты дрожала на своей первой ярмарке? Ты тогда напутала всё, что только можно, и ничего, выкрутилась как-то. Ты это умеешь – выкручиваться».

Лишь где-то после полудня очередь дошла и до них. Смятение Реа к тому времени успело улечься, оставив гнев и страх тихонько тлеть в глубине её нутра. Девушка старалась их не тревожить, боясь оживить притихшее до поры пламя.

Она настороженно разглядывала людей в серой форме, проверявших бумаги и осматривавших телегу, что шла сразу перед их повозкой.

– Это не караул, – заметила она.

Корракский Гвардейский Караул, называемый в народе просто «караулом», был орденом, представляющим закон в Триаде. Они носили тёмно-синие мундиры и светло-голубые плащи и были вооружены шпагами и копьями. На территорию резерваций Мева эта блистательная компания заглядывала редко, и если такое случалось, то всегда сулило неприятности. И всё же,

дети сбегались поглазеть – совершенно восхищённые, в надежде хоть прикоснуться к краешку плаща... Сброд, что смотрел за порядком в Нимилине не выдерживал никакого сравнения с блистательным караулом.

– Это поимщики, – объяснил Къевит. – В Нимилине независимая власть. Тут что-то вроде нейтральной территории между Нируни и Тριάдой. Свои правила.

Они проехали чуть вперёд и остановились, когда один из поимщиков поднял руку.

– Тилорцы, – проворчал он, едва глянув на Къевита и Реа. – Сидеть бы вашему брату дома в такие времена. Куда путь держите?

– В Нойом-Канар, господин, – смиренно ответил Къевит. – На ярмарку.

– Чем торгуете?

– Специями.

Помощник стражника тем временем заглянул в повозку, приоткрыл одну из корзин, ничего подозрительного не обнаружил и махнул рукой, показывая, что всё в порядке.

– Смотри, – сказал поимщик, – осторожно на землях Нируни. Держи жёнушку поближе, кабы Ночной народ её не уволок.

– Благодарю, господин.

– Проезжай уже, проезжай.

Реа украдкой перевела дыхание. До сих пор она сомневалась в том, что у Къевита получится убедительно изобразить свою роль. В конце концов, он – один из Кори, чувство превосходства у этого народа в крови. Полная противоположность покорным, безропотным тилорцам. Что ж, в настоящей ситуации она была только рада ошибаться. Поимщики ничего не заподозрили, и оставалось надеяться, что так же им будет везти и дальше.

Изнутри Нимилин оказался таким же серым, как снаружи. Глазу не за что было зацепиться – всюду голый камень. Каменные дома, каменные мостовые, каменные изгороди. Даже украшения – барельефы над дверьми и статуи в неглубоких альковах – и те серые, бесцветные. Лишь изредка попадались горшки с неприхотливыми растениями на порогах тех домов, что побогаче. Реа решила, что это было чем-то вроде обозначения статуса – недешевое это занятие, держать живые цветы в городе, куда вода доставляется по водоводу, издалека.

– Куда теперь? – спросила Реа.

– Киззи снимает комнату в Этажах.

Реа не стала спрашивать, что такое Этажи. Когда толпа на въезде осталась позади, тревога Къевита стала заметнее, и ей не хотелось нервировать его вопросами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.